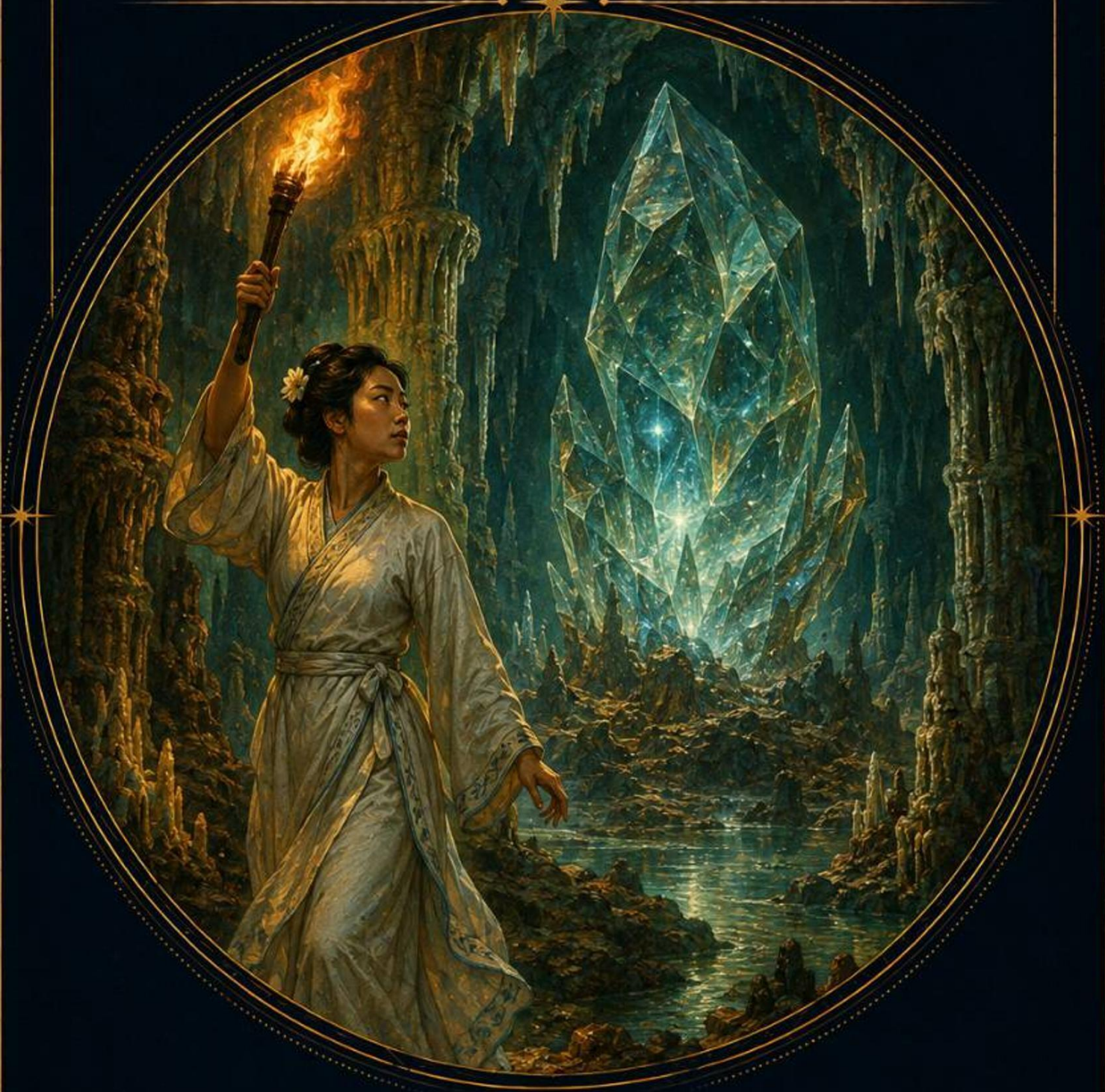

ВСЕЛЕННАЯ ФАНТАСТИКИ

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

ДЖОН ТЕЙН

Джон Тейн
Белая Лилия

«Автор»

2026

Джон Тейн

Белая Лилия / Джон Тейн — «Автор», 2026

Что скрывают бескрайние горы Западного Китая? Почему древние легенды говорят о подземном мире, куда не осмеливаются ступить даже самые отважные? И что произойдёт, если человек встретится с разумом, возникшим по законам, которых не знает земная наука? Вместе с участниками рискованной экспедиции читателю предстоит проникнуть в гигантские пещеры, где среди вечной тьмы и сверкающих кристаллов скрывается тайна, способная изменить судьбу человечества. Но самым неожиданным открытием станет не загадочная сила, дремлющая в глубинах земли, а девушка по имени Белая Лилия, оказавшаяся на пересечении человеческих страстей, древних традиций и неведомого мира. «Белая лилия» — один из самых необычных романов Джона Тейна, в котором приключение, научная фантастика и философская загадка сливаются в историю, не утратившую своей притягательности спустя почти столетие.

© Джон Тейн, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Неумехи	5
Глава I. Крушение	5
Глава 2. Что видели бродяги	13
Глава 3. Эксперимент Сэксби	19
Глава 4. Ужин Яна	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джон Тейн

Белая Лилия

Часть I. Неумехи

Глава I. Крушение

В доме что-то двигалось. Не живое и не кем-то движимое. И все же оно перемещалось. От этой мысли у миссис Лейн по коже побежали мурашки; она так и подскочила в постели, слепо шаря рукой в поисках настольной лампы. Пальцы беспомощно прощлись по прикроватному столику, опрокинули стакан с водой, но ничего не нашли. В доме царила тишина — мертвая, как в склепе нетронутой египетской пирамиды, и такая же беспросветная тьма.

Не найдя лампы, миссис Лейн с пугающей отчетливостью вспомнила, где ее оставила. В тот вечер она слишком устала, чтобы читать перед сном — хотя обычно всегда так делала, когда муж подолгу пропадал на службе, — и бросила ее на туалетном столике у самой двери, добрых футах в десяти от кровати.

Доказать ли, что она жена военного — встать и включить свет? Или благоразумнее признать себя обычной, до смерти перепуганной молодой женщиной и зарыться головой в подушку? Вне себя от страха, она инстинктивно выдохнула имя мужа: «Боб!» — словно этот отчаянный шепот мог пробить сотни миль ночной темноты и мгновенно призвать на помощь законного защитника.

Капитан Роберт Лейн, спавший на борту американского транспорта «Шеридан», который мчал его и морпехов к берегам Китая, не видел во сне ни жены, ни четырехлетнего сына. Ему снились легионы китайских революционеров, вознамерившихся устроить туристам в Шанхае «веселую жизнь». Жизни его супруги и сына в Лос-Анджелесе ничто не угрожало. С чего бы им являться к нему во сне? Капитану, его пулеметам, его «кожаным шеям» и их неуклюжим стальным танкам предстояло чертовски трудное дело — удерживать международный мир, и некогда было тревожиться о пустяковых домашних неурядицах, которые могли назреть в их отсутствие. Свириное китайское лицо, лишненное головы и туловища, подплыло к лицу капитана, словно шафренный пузырь; пара мертвых глаз уставилась на него с холодной ненавистью; щелка рта на этой желтой, плывущей личине приоткрылась, готовая изрыгнуть проклятие... Боб Лейн со стоном перевернулся на другой бок. Сон оборвался, но вовсе не оттого, что его молодую жену сковал ужас липкой тьмы, окутавшей ее, точно саван.

Отчего черное безмолвие спальни вдруг обдало потусторонней стужей? Воздух явно пришел в движение: он медленно проплывал над кроватью и бесшумно перетекал в соседнюю комнату, где в своей детской кроватке спал сын.

— Надо посмотреть! Надо посмотреть! — пробормотала миссис Лейн, не смея, однако, спустить ногу на пол и выбраться из постели. — Я не трусиха.

Она произнесла это вслух, словно предлагая сажной стуже оспорить очевидную истину. И тут чье-то безличное естество — бесстрастное воплощение первобытной, вечной логики материального мира — заговорило голосом перепуганной женщины:

«В той комнате кто-то есть, — прошептало оно. — Не мертвый и не живой. Это не дух, ведь он никогда не дышал. Я знаю, что это правда, потому что чувствую это. То, что находится в той комнате, пытается ожить, но еще не знает как».

К миссис Лейн вернулось самообладание.

— Глупости! — отрезала она, хотя и без тени уверенности.

Голос, прозвучавший в ней, был забытым сигналом опасности, порожденным почти иско-рененным инстинктом — инстинктом, пустившим корни в самых глубинах живой материи так давно, что о его существовании веками никто не подозревал. Когда в первобытной слизи только зарождались первые неуклюжие подобия живых существ, этот голос уже выкрикивал свои древние предостережения кристаллам и коллоидам, вслепую пробивавшим себе долгий путь к жизни и эволюции. Век за веком этот извечный страх нашепывал зарождающимся видам растений и животных, как шатко их право на мимолетное сновидение, именуемое жизнью, и как непрочна их временная власть над смертью.

«Это лишь случайность, не более, что жизнь досталась вам, а не мне, — казалось, шептал безымянный инстинкт от лица всех нерожденных тварей, стоявших за этим страхом. — И все же в конце концов мой род уничтожит твой».

Мужество окончательно вернулось к миссис Лейн.

— Сейчас найду тапочки и посмотрю, что там такое, — заявила она, не сделав, впрочем, ни малейшей попытки исполнить задуманное.

— Мама! Мама!

Полный ужаса крик маленького Тома полоснул по ее нерешительности точно бритва. Инстинкт пуль выбросил миссис Лейн из постели. Сквозь ледяную тьму она ринулась в детскую. Изабел Лейн было двадцать пять лет, она отличалась отменным здоровьем и гибкостью. Про тапочки она и думать забыла. Кто бы ни затаился в комнате ее мальчика — нечеловеческое чудовище или обычный грабитель, — ее напряженно сжатые куаки сулили ему скорую и безжалостную расправу.

— Что случилось? Ох!..

Прежде чем она успела нащупать выключатель, "это" — чем бы оно ни было — совершилось. Свершилось сокрушительно и, одновременно, кошмарно. Раздался грохот, оглушительный, раскатистый звон бьющегося, разлетающегося в щепки стекла, словно огромная старомодная люстра из бального зала рухнула на пол. И всё. Никакого затихающего перезвона осколков, который придал бы хоть какую-то логику этому безумному кошмару. Никаких люстр или иных безвкусных стеклянных висюлек в доме не водилось, и уж подавно их не было в детской.

Она щелкнула выключателем. Неужели просто страшный сон? Но почему тогда сын кричал в таком диком, нечеловеческом испуге и почему до сих пор заливается во весь голос? Она не верила собственным ошеломленным глазам. На гладком дубовом паркете не было ровным счетом ничего — ни единой соринки. И все же она отчетливо слышала, как это существо — чем бы оно ни являлось — упало. И слышала не просто грохот разрушения; звук его внезапного распада стал мимолетным отголоском вполне реальной, долгой и мучительной смерти. Нечто, ныне мертвое и невидимое, испустило дух в страшных корчах. В комнате застыла лишь его боль.

Мальчик, плакавший у нее на руках, ничего не мог толком объяснить. «Мне ствашно, мне ствашно», — вот и всё, чем он мог выразить чувство, в анализе которого запутался бы самый утонченный психолог. Страх, сковавший ребенка не меньше матери, был старше любых инстинктов, древнее самого человеческого рода. Неразумные клетки его юного тела, инертные минералы в костях и крупницы железа в крови откликнулись на первобытный ужас, который испытали все живые существа, когда в опасной борьбе за выживание впервые обрели право на жизнь. И теперь, спустя бесчисленные миллионы лет, это право оспаривал позабытый враг, чье поражение на заре сотворения мира и превратило чудо жизни в необъяснимую реальность.

Сквозь остатки сна, несмотря на пережитое потрясение, миссис Лейн с холодной ясностью осознала, что исчезнувшая аномалия (самого этого слова она, будучи в полузабытии, не

подобрала и не смогла бы объяснить свою хрустальную интуицию) погибла при первой же младенческой попытке сделать первый шаг и пойти. В тишине ее памяти всплыл приглушенный, едва различимый шорох крадущихся шагов; ей вспомнилось, что темнота перед грохотом не была пустой — в ней таились удушливые конвульсии боли и бесплодных усилий. Осторожные, едва слышимые звуки движений этого существа до того, как оно рухнуло и обратилось в ничто, странно напоминали первые шаги младенца.

Все эти впечатления залегали куда глубже памяти или интуиции. Это было непосредственное знание, сродни мистическому откровению, передающееся напрямую от одного материального объекта другому. Не разум говорил с разумом, а материя с материей. Безмолвная весть страха, прозвучавшая в ночи, была древнее любого разума. Какая уродливая ошибка времени пробилась сквозь тьму позабытых веков лишь для того, чтобы споткнуться при первых же неуклюжих движениях и погибнуть в муках, тщетно стремясь к недостижимому свету? Ибо это существо испытывало нечто равное боли, хоть и не обладало разумом; неистовое предсмертное страдание до сих пор сковывало замерший воздух и леденило память о его кончине. Как и непосредственный опыт — то, что не познается и не ощущается, а проживается, передаваясь от одного мертвого атома к другому. Чья неосмотрительная рука отодвинула засов, отделявший это полусотворенное нечто от жизни, которую оно слепо жаждало?

Миссис Лейн решила списать все на кошмар, хотя до мозга костей чувствовала, что случившееся было пугающе реальным. Она унесла мальчика к себе в постель и вскоре убаюкала его. Сама же уснуть не смогла. Чтобы вернуть уверенность, она погасила лампу, водруженную на привычное место у изголовья, и раздумывала, не встать ли ей в темноте и не перенести ли светильник обратно на комод — исключительно ради того, чтобы доказать себе собственное бесстрашие. Благоразумие победило, и она лишь плотнее прижалась к сыну. В доме мог объявиться еще один «кошмар» (она старательно избегала давать нарушителю покоя более осязаемые имена), и ей не хотелось оказаться застигнутой врасплох. Ощущение безотчетного страха, а вместе с ним и непонятный холод окончательно исчезли, будто причина ночного переполоха и впрямь умерла, обратившись в нечто меньшее, чем прах.

Незадолго до рассвета она забылась сном. Сколько времени она провела вне мира живых, миссис Лейн определить не могла, но полагала, что меньше трех четвертей часа. Проснувшись она от внезапного толчка и ощущения, будто ее душат. Воздух был отравлен слабым, но отчетливым запахом тления. Сквозь настежь раскрытую дверь детской ей сразу бросился в глаза яркий прямоугольник солнечного света на полу. Том крепко спал рядом, с виду совершенно здоровый, разве что дышал чуть громче обычного. Сон как рукой сняло; в то же мгновение мать заметила, что полоса света сияет как-то необычайно пронзительно, а верхняя губа мальчика, которой касалось его дыхание, окрасилась в явственно желтый цвет. Первая мысль, хоть под ней и не было никакой логической основы, была о том, что на кухне травит газовая плита, заполняя дом смертоносным угарным газом.

Не тратя времени на проверку своей версии, она схватила Тома и выбежала на улицу. Затем вернулась и распахнула настежь все окна и двери бунгало. Слабое дыхание распада отравляло воздух повсюду, а сильнее всего оно ощущалось в комнатах, залитых лучами раннего солнца, едва улавливалось там, куда свет еще не проник, и едва-едва различалось в темных чуланах.

С момента восхода прошло всего несколько минут. К тому же было воскресное утро — да не простое, а Пасхальное. Вызвать водопроводчика или мастера из газовой службы нечего было и думать. Миссис Лейн, находчивая, как и большинство женщин, чьи мужья проводят половину жизни вдали от дома, решила довериться пожарной охране и обратилась к ним за помощью. Дежурный, зевая на том конце провода, пообещал немедленно выслать двоих ребят. Пока помощь была в пути, миссис Лейн успела кое-как, но вполне прилично одеть Тома и одеться сама.

Явившиеся на выручку пожарные были настроены скептически, если не сказать цинично. Они со знанием дела, поводя носами, обошли дом, не нашли ничего подозрительного и заявили об этом прямым текстом.

— Ваш муж только прошлую ночь отсутствовал? — спросил один из них, желая проверить рассказанную миссис Лейн историю.

Она подтвердила его догадку, но добавила, что оставаться одной для жены офицера — дело привычное.

— Да у вас просто нервишки разгулялись, вот и всё, — успокоил ее пожарный. — Попросите завтра вечером какую-нибудь соседку переночевать с вами. Никакого газа здесь нет.

— Хорошо, — ответила она, чувствуя себя немного глупо. Но тут ее пронзило острое предчувствие опасности, и она решилась рассказать о своем «кошмаре», о котором до сих пор помалкивала. Пожарные слушали вежливо, ухмыляясь лишь в пределах дозволенного. Но когда взволнованная молодая мать завершила свой рассказ чисто женской мольбой заглянуть под кровать в детской, они не выдержали и грохнули со смеху.

— Ладно, хозяйка, — согласились они. — Была не была.

Увидев кровать высотой фута в три, ножки которой скрывал редкий мексиканский подзор из тканого конского волоса, они покатались со смеху. Мысль о том, что грабитель или какой-нибудь хищный зверь ухитрился бы спрятаться под детской постелькой, вконец растравила их чувство юмора. Тем не менее они пообещали спасти попавшую в весеннюю беду мать и, как истинные пожарные, сдержали слово. Зайдя с двух сторон, они опустились на четвереньки и просунули головы под свисающий подзор, все еще клопоча от сдерживаемого хохота, точно молодые бычки. И вдруг обмякли и замерли. Миссис Лейн вытащила их бездыханные тела на веранду и бросилась к телефону вызывать врача.

Пожарные пришли в себя еще до приезда доктора.

— Что это меня шарахнуло, Джо?

— Сам хотел спросить, — отозвался напарник. — Тебя тоже накрыло?

— А то как же! Слышите, хозяйка, а вы, кажись, насчет газа-то правы были. Видать, он понизу стелется.

— Но вы же сами сказали, что все трубы и краны в полном порядке, — возразила миссис Лейн. — Это не может быть газ.

— А что ж тогда у пацана под кроватью сидит? — подозрительно спросил один из них. — Меня с кондачка в нокаут не отправишь.

— Насколько я знаю, там ничего нет. Разве что... — спохватилась она, — если не считать яйца.

— Яйца? Какого еще яйца?

— Да обыкновенного, пасхального. Я вчера покрасила дюжину и одно спрятала под кровать сына, чтобы он утром его нашел.

— Ах, так вы пригласили нас на праздничный пасхальный завтрак? — саркастически протянул пожарный. — А нам с Джо показалось, что мы угодили на пирушку бутлегеров. Из каких это вы закромов такие яйца берете?

— Из курятника, разумеется. Обычные куриные яйца. Вы не заметили, зеленое там лежало?

— Зеленое! — с отвращением повторил Джо. — Послушайте, милочка, вы что нам тут зубы заговариваете? У меня уже руки чешутся полицию вызвать.

Договорить Джо не дал приехавший доктор.

— Вы, к счастью, опоздали, — объяснила миссис Лейн. — Им уже лучше.

Отвечая на расспросы эскулапа, миссис Лейн и пожарные ухитрились нарисовать ему столь путаную картину, что у того сложилось твердое ощущение бурной субботней вечеринки, плавно перетекшей в Светлое воскресенье. Будучи человеком слишком обходительным, чтобы

высказать столь деликатное подозрение вслух, доктор мысленно диагностировал легкую степень алкогольного опьянения. И все же, вынужден был признать он, миссис Лейн выглядела вполне пристойно, да и от пожарных не разило характерным амбре.

— Пожалуй, мне стоит самому взглянуть, что там укрыто под кроватью вашего мальчика, — предложил он с той самой тонкой интонацией, которая выдавала его уверенность в банальной женской истерии.

— Гляди, сейчас и этот словит, — шепнул Джо напарнику.

— Ну что, зеленое яйцо там? — с надеждой спросила миссис Лейн, когда доктор поднял волосяной подзор, чтобы заглянуть под кровать. — Постойте... — мысленно ахнула она, — а куда делся прикроватный коврик?

— Зеленое яйцо?... — недоверчиво переспросил доктор уже заплетающимся языком. — Вы...

И тут же рухнул навзничь. Придя в себя на свежем воздухе веранды, он выглядел изрядно ошарашенным и совершенно посрамленным.

— У пола определенно скопился какой-то газ, — высказался он. — В той комнате есть отвод для обогревателя?

Пожарные заверили его, что ничего подобного нет. И как эксперты добавили - утечка бытового газа тут абсолютно ни при чем.

— Так вы видели зеленое яйцо? — упорствовала миссис Лейн. В ней крепла смутная, еще не оформившаяся до конца интуитивная мысль, которую она ни за какие коврижки не облекла бы в слова: ночью из этого невинного с виду пасхального яйца вылупилось некое злое отродье, которое теперь отравляет чистый утренний воздух своими нечестивыми ночными испарениями.

— Какое еще зеленое яйцо? — требовательно спросил доктор, впервые осознанно услышав о его существовании.

Миссис Лейн пустилась в подробные объяснения. Интуиция, материнский инстинкт или то, что принято называть шестым чувством, велели ей быть предельно точной. Яйцо, как подсказывало сердце, таило в себе мало невинного. Однако делиться подозрениями с мужчинами она не стала — уж слишком туманными казались ее страхи, чтобы заявлять о них всерьез.

— И это всего лишь обычное куриное яйцо? — разочарованно переспросил доктор, дослушав рассказ. — Вы уверены, что оно просто-напросто не протухло?

— Все может быть, — согласилась она. — Знаете, оно было со склада, из холодильника. А остальные одиннадцать, что мы покрасили, нам продали с гарантией первой свежести.

— А-а! — просиял доктор. — Это и объясняет тот таинственный запах, который вы якобы почувствовали.

— Да при чем тут запах! — решительно вмешался Джо. — Вы когда-нибудь видели, чтобы троих здоровых мужиков свалило наповал от одного тухлого яйца?

— Но вы же сами утверждаете, что это не газ, — резонно возразил доктор. — Что ж, давайте взглянем на это яйцо... если оно там вообще есть.

Он поднялся, со значением срезал длинный стебель зеленого бамбука из зарослей у крыльца и направился в детскую. Чуть стыдясь своего острого любопытства, троица наблюдала за тем, как доктор выуживает из-под кровати злополучное яйцо. Выпрямившись во весь рост и осторожно шаря шестом по полу, врач делал все, чтобы исключить риск повторной газовой атаки. Наконец его упорство было вознаграждено. На середину комнаты выкатилось красивое, травянисто-зеленое пасхальное яйцо.

— Руками не трогать! — скомандовал он. — Оно может быть ядовитым. Мне совершенно не нравится этот цвет. У вас найдется лопата?

Миссис Лейн принесла садовую лопату, и доктор в сопровождении глазеющих пожарных бережно вынес подозрительный предмет во двор.

Когда яйцо скатилось с лопаты на траву, к замороженному кругу зрителей примкнул четвертый свидетель. Это был Хут — огромный рыжий кот семейства Лейн. Из каких глубин мироздания он материализовался, осталось загадкой: он просто возник из ниоткуда, как делал всегда, стоило завязаться какому-нибудь любопытному дельцу.

— Не давайте ему нюхать! — взмолилась миссис Лейн.

Но доктор, действуя во имя беспристрастной науки, мягко придержал ее, позволив кошачьему любопытству пожать свои плоды. Его собственный интерес был уязвлен не на шутку. Пожарные не возражали, чтобы парадом командовал человек науки. Как Хут и доктор, они теперь тоже всецело прониклись исследовательским духом.

Однако изощренная осторожность, с которой Хут подошел к задаче, ему не помогла. Сперва одна испытующая лапа потрогала яйцо и нашла его смирным, затем другая. С точки зрения кошачьей экспертизы, объект опасности не представлял и кусаться не собирался. Изящно вытянув шею, Хут принялся к ядовито-зеленой скорлупе. И получил нечто похуже укуса. Издав унылый, утробный вопль — словно его вот-вот вывернет наизнанку, — кот, пошатываясь как пьяный, отвалил в сторону и без сил рухнул живым комком у ног хозяйки.

— Бедный Хут! — воскликнула миссис Лейн, подбирая обмякшее тело. — Ничего, сейчас пройдет, доктор с пожарными ведь оклемались. Том! А ну отодвинься от яйца!

Она перехватила сына в тот самый миг, когда четырехлетний исследователь уже готов был поддаться искушению. Один из практичных пожарных потянулся к лопате.

— Не вздумайте разбить! — отрывисто бросил доктор, отводя занесенную лопату в сторону. — Это же самое интересное яйцо во всей Калифорнии. Без тени сомнения оно ядовитое.

На зловещей скорлупе дрожало солнечное пятно — листья грецкого ореха легонько колыхались от утреннего ветерка, — а доктор продолжал развивать теорию:

— Взгляните на этот омерзительный оттенок. Вы когда-нибудь видели столь жуткую зелень? Бьюсь об заклад, это какое-то новое слово в ядовитых красителях. Не парижская зелень и не мышьяк. Я непременно отдам его на анализ городскому химику.

— Точно, — согласился Джо. — Траванутое наглухо. Ладно, нам пора на станцию возвращаться. Всем доброго утра.

Доктор в раздумье замер над яйцом. Как бы половчее и безопаснее его поднять?

— Вы, разумеется, уничтожите остальные крашенные яйца? — обернулся он к хозяйке. Миссис Лейн кивнула.

— Вы хоть представляете, что это за яд?

— По действию напоминает смесь концентрированного угарного газа и синильной кислоты, но я сомневаюсь, что это они. Иначе кот бы уже околел. А он, как видите, жив.

Словно подтверждая вердикт врача, распластанный Хут сделал героическое усилие и стряхнул с себя оцепенение. Огромный кот перевернулся на руках у хозяйки и ловко выскользнул на волю.

— Назад, не подходи! — предостерег доктор, заметив, что Хут на всех парах держит курс прямо на врага. — Тебе одного раза мало?

Но прежде чем кота успели перехватить, он уже вовсю удовлетворял свою тягу к научным изысканиям. Яркое, бьющее в полную силу солнце уже несколько минут припекало сочно-зеленое яйцо. Кот понюхал его один раз, осторожно, затем второй — уже основательно. Ничего не произошло. С видом глубочайшего разочарования огромный Хут повернулся спиной к презренному противнику, который оказался «слишком горд, чтобы драться», и величественно зашагал прочь по своим утренним делам.

На миг гипотеза об отравлении лопнула как мыльный пузырь. Но тут доктора осенило, и он отыскал вполне очевидное объяснение. Его простенькая теория дышала безупречным здравым смыслом. Единственным ее недостатком, вскрывшимся лишь несколько недель спустя,

было то, что она оказалась в корне неверной. Впрочем, это ее ничуть не порочило. Физическая теория, которую в наши дни не разбивают в пух и прах за девяносто дней, остаётся жить лишь потому, что она не стоит потраченных усилий. Яйцо, заявил доктор, очевидно, утратило свою зловещую силу оттого, что ядовитая основа зеленой краски, будучи чрезвычайно летучей при температуре человеческого тела, целиком испарилась на солнцепеке. Объяснение было столь же ошибочным, сколь и правдоподобным. Прежде чем унести яйцо на анализ, доктор вывел у миссис Лейн всю его подноготную.

Суть дела сводилась к следующему. Последнее совместное утро капитан Лейн и его жена провели за домашними хлопотами и покраской пасхальных яиц для маленького Тома. Поскольку Том твердо вознамерился умять целую дюжину, капитан Лейн пошел и купил двенадцать свежих яиц у соседа, решив не трогать те, что уже были в доме. Домашние запасы хранились в жидком стекле — этот силикатный раствор хозяйки обычно используют для консервации. И хотя теоретически их тоже можно было считать свежими, Лейны решили не экспериментировать с детским желудком и раздобыли настоящую фермерскую дюжину яиц. Пасхальные красители купили в бакалее на углу. Подозревать неладное причин не имелось: марка была стандартная, с гарантией безопасности для людей и животных.

Все шло как по маслу, пока очередь не дошла до одиннадцатого яйца. Капитан Лейн, занимавшийся покраской, не отличался сноровкой в обращении с такими хрупкими вещами и попытался проявить излишнее изящество. В результате случилась беда. Одиннадцатое яйцо выскользнуло из рук и совершило самоубийство на кафельном полу кухни. Маленький Том разревелся. Для чуткого детского уха в словах «дюжина пасхальных яиц» кроется особое, золотое волшебство, которое безнадежно блекнет, если в заветное число закрадется одиннадцать или, упаси боже, тринадцать. Никакие доводы, призывы к разуму и увещевания быть мужчиной, а не ревой-коровой, не помогали. Дюжина — и точка, ни больше ни меньше. Чтобы утихомирить крикуна, Лейны заменили разбитое яйцо «точно таким же» (хотя это было не так) из банки с жидким стеклом, сойдясь на компромиссе: это, одиннадцатое яйцо, Том есть не будет, а станет им только любоваться. И чтобы уж точно не перепутать поддельное яйцо с настоящими, капитан Лейн смешал для него особый краситель. Из равных долей небесно-голубого и подсолнечно-желтого он сварил ослепительный, кричащий золотисто-зеленый цвет — настоящий вырвиглаз. Том оценил это яйцо превыше остальных и настоял, чтобы мама «спрятала» его под кроватку: так он точно найдет его раньше, чем она проснется.

Разумеется, за время этих священнодействий капитан изрядно перемазался. К концу работы он сиял ярче радуги. Выуживая яйцо-заменитель из банки с жидким стеклом, он ухитрился забрызгать этой склизкой жижей армейские ботинки, китель, лицо и руки по самый локоть. Жене понадобился добрый час, чтобы оттереть его самого и мундир до состояния, пригодного для инспекции.

Заключаясь в докторской теории хоть капля правды, капитан Лейн к тому моменту, как жена закончила орудовать губкой, представлял бы собой ходячую угрозу, да и сама она была далеко не безобидна. Но, как выяснилось позже, теория доктора оказалась слишком простой, чтобы быть верной. Тем не менее истинно бдительный санитарный инспектор с какой-нибудь более мудрой планеты с полным основанием запер бы все семейство на строгий карантин лет этак на пять. И тот же опытный чиновник, знающий о жизни в целом куда больше нашего брата-землянина с его узким кругозором, несомненно запретил бы капитану Лейну в последнюю минуту менять рубашку (из-за того, что одно пятно на левом рукаве упорно не поддавалось мылу и воде), наспех заталкивать отвергнутую одёжу в вещевой мешок и прыгать в такси, отправляясь в первый этап долгого пути по направлению на Шанхай.

Уверившись, что разузнал все обстоятельства дела, доктор отбыл, унося с собой виновное яйцо. Ему позволили забрать добычу лишь после того, как он пообещал маленькому Тому прислать взамен яйцо побольше и позеленее уже через час. Он был твердо убежден: химический

анализ выявит в красителе следы какого-нибудь сложного яда, что лишит злополучное яйцо интригующего статуса необъяснимой тайны и превратит его в заурядный несчастный случай.

Заметим сразу, что доброго доктора ждало горькое разочарование. На следующий день он получил отчет химика. Зеленая краска оказалась абсолютно безвредной: ребенок мог бы выпить целую кварту этого варева и попросить добавки, найди он его вкусным. Сгорая от стыда за свое участие в этой истории, доктор попытался было убедить себя, что они с пожарными пали жертвой обычного нервного приступа, поддавшись панике миссис Лейн. И хотя до конца поверить в это ему так и не удалось, он благоразумно решил выкинуть случившееся из головы ради спасения собственной профессиональной репутации.

После церковной службы в то роковое пасхальное утро миссис Лейн с Томом и друзьями уехали из Лос-Анджелеса на три дня в пустыню — полюбоваться цветением диких трав. Зима выдалась теплой и дождливой, так что зрелище обещало быть на редкость великолепным.

Поскольку в пустыне не было ни телефонов, ни телеграфных станций, миссис Лейн пропустила первые известия о трагедии, заставившей Америку горько пожалеть о том, что она вообще ввязалась во внутренние дела Китая. Пожалуй, оно и к лучшему, что первые, самые страшные известия обошли ее стороной. Поздние новости сделали эту катастрофу чуть более выносимой — но лишь для немногих.

В одиннадцать часов вечера пасхального воскресенья по тихоокеанскому времени страну потряс первый удар.

— Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Все о катастрофе в океане! — звонко выкрикивали газетчики от Сан-Франциско до Бостона. — Транспорт «Шеридан» пошел ко дну! Читайте в свежем выпуске! Огромное количество жертв, читайте все подробности! Экстренный выпуск!

Это была правда. «Шеридан» затонул менее чем в трехстах милях от Лос-Анджелеса, унес с собой почти всю команду, прежде чем судно-близнец «Шерман» успело прийти на помощь. Единственным непреложным фактом оставалось то, что трагедия свершилась. В деталях катастрофа стояла особняком, не имея ни прецедентов, ни аналогий, и представляла собой одну из тех зловещих загадок, что порой загадывает море. И это было лишь первым звеном в стремительной цепи необъяснимых тайн, которые еще несколько недель ставили в тупик пытливые умы, пока один оторванный от жизни мечтатель не проверил свою догадку.

Поначалу некоторые донесения встречали откровенным смехом, принимая их за тщеславные попытки газетчиков раздуть сенсацию. Особенно это касалось странной истории, поведанной двумя пустынными бродягами, которые прибрежили в Лос-Анджелес спустя два дня после гибели «Шеридан», едва не лишившись рассудка от увиденного в песках. Теперь кажется странным, что ни у кого не хватило воображения связать эти достоверные, но невероятные слухи в единую причинно-следственную связь. Однако факт остается фактом: потребовалась необычайная проницательность одного зоркого старика, чтобы разглядеть истину, которая была очевидна как солнце.

Глава 2. Что видели бродяги

Из всех пассажиров «Шеридана» спаслись лишь шестнадцать человек. Среди них были капитан Лейн и еще трое офицеров, чьи каюты располагались в носовой части верхней палубы. В момент «крушения» — около девяти вечера — полностью одетый капитан Лейн и три лейтенанта играли у него в каюте в бридж. Транспорт уходил под воду кормой вперед. Спасшимся удалось спустить один из спасательных плотов как раз в тот миг, когда судно тонуло. Всего около двадцати человек отчаянно толкали плот, пытаясь отвести его подальше от погружающегося корабля, прежде чем их всех швырнуло в черную воду. Четверо погибли в этой отчаянной борьбе за жизнь: они так и не смогли добраться до плота — водоворот от тонущего гиганта закрутил его, словно щепку в мельничном омуте, и подняться на борт было невозможно. Радист ушел на дно вместе со своим кораблем, успев, однако, вызвать «Шерман», который шел сквозь ночную тьму своим курсом всего в каких-то пяти милях к востоку.

Когда «Шерман» прибыл на место крушения, он не обнаружил ничего, кроме плота с шестнадцатью ошеломленными мужчинами, беспомощно дрейфующими посреди полного штиля — океан был гладок, как горное озеро в теплый летний день. Среди выживших оказались двое сержантов, несших вахту в момент гибели «Шеридана». Их показания и составили единственную летопись случившегося.

Их рассказ укладывался всего в три слова: «Судно просто лопнуло».

Это всё, что перекрестный допрос и блеф с угрозами военного трибунала смогли из них вытянуть. Никаких подробностей добиться не удалось. Они упрямо твердили свое: без всякого предупреждения «Шеридан» просто лопнул. Стальные заклепки на обшивке затрещали тысячами, издав звук, похожий на стрекот пулеметной батареи; весь корабль словно внезапно просел в воду и пошел на дно. Не было ни взрыва, ни дыма, ни запаха гари. Собственно, не произошло ничего, кроме непреложного факта: «Шеридан», шедший своим курсом мирно, как какой-нибудь паром, канул на дно Тихого океана меньше чем через четыре минуты после того, как первый треск заклепок возвестил, что обшивку разорвало в клочья. Выжившие моряки были выброшены из коек первым же яростным толчком; они вскочили на ноги, бросились на пустеющую палубу и буквально наткнулись на первый попавшийся спасательный плот. Они спустили его как по команде, как автоматы, толком не понимая, что делают и что вообще происходит, зная лишь одно: корабль идет ко дну с рекордной скоростью.

Получив по радио ответные приказы, «Шерман» распределил шестнадцать спасенных по своим ротам морской пехоты и продолжил путь в Китай как ни в чем не бывало. Такова армейская жизнь.

Семьям спасенных, разумеется, разослали уведомления; извещать остальных не имелось нужды, за исключением тех, кому полагалась пенсия по потере кормильца. Капитан Лейн вернулся к исполнению обязанностей уже через восемь часов — слишком ошарашенный, чтобы радоваться спасению или строить догадки о причинах необъяснимой катастрофы. Он потерял все свои вещи, и теперь на нем был лишь тот мундир, в котором он спасал свою жизнь. Рассудок окончательно вернулся к нему только в Китае. И то, что случилось с ним там, когда он сделался невольным и ничего не подозревающим свидетелем разыгравшейся драмы, чуть было не лишило его ума окончательно. Но поначалу все развивалось с такой дьявольской обыденностью и так походило на неожиданно возникшую нестандартную служебную задачу, что он совершенно упустил из виду зловещую суть происходящего, пока дело не дошло до критической точки, когда предотвратить развязку было уже почти невозможно. Тем временем, пока капитан и его люди решительно и вслепую маршировали навстречу своей судьбе, миссис Лейн и Том радовались маленьким приключениям не так далеко от дома, а старый Джонатан Сэксби, геолог на пенсии, находил массу интересного в причудливых капризах пустыни.

На закате пасхального воскресенья миссис Лейн, Том и их друзья нашли идеальное место для ночлега. Весь день они мчались без передышки и теперь углубились в самое сердце пустыни. Крутой известняковый выступ надежно укрывал от крепчайшего восточного ветра, который разгулялся, стоило солнцу стремительно упасть за горизонт, а несколько акров плоских каменных плит так и манили устроить на них походную кухню. Тщательный осмотр выбранного пятка подтвердил общее мнение: для гремучих змей сезон еще не наступил, и компания дружно принялась за ужин. Сухой кустарник послужил отличным топливом, и через полчаса миссис Лейн уже приготовила горячую еду. Они поужинали у костра еще до восхода луны, прибрались, побросали отходы в расщелину между известняковыми плитами, расстелили постели и через десять минут уже спали как убитые. На следующее утро, за полчаса до рассвета, они двинулись дальше вглубь пустыни — посмотреть на красивейшее цветение ранних кактусов.

Калифорнийские пустыни — это не просто манящие тайны для праздных туристов. Это выжженные, богатые минералами пустоши, которые на всю жизнь затягивали в свои сети десятки искателей наживы. До того как мистер Форд одарил человечество мягкими кожаными сиденьями и скоростью в двадцать миль в час, доступной любому, у кого завалялось пятьдесят долларов на подержанную колымагу, старые старатели неделями пешком мерили пустыню, пробираясь от одного источника или колодца к другому и ведя под уздцы своего единственного спутника — выносливого длинноухого осла. Изредка двое-трое таких неисправимых золотоискателей путешествовали вместе, деля невзгоды и по вечерам перекидываясь в покер на интерес (если таковой имелся); но большинство упрямо брели в одиночку. Стоит оставить цивилизацию позади, как разговоры, человеческое общество и необходимость ежеминутно думать о том, чего хочет твой попутчик, превращаются в невыносимую обузу. Парочка кусков бекона, запас муки для лепешек, кофе, фасоль да соль на месяц-полтора, ослик под поклажу — вот и весь нехитрый набор идеального старателя. В большинстве своем это были жилистые, просоленные солнцем мужчины далеко за пятьдесят, со щетинистыми белыми бородами, побуревшими от табачного сока, и кожей цвета спелого махагони. Многие из них топтали эти пески по полвека, и каждый свято верил, что отыщет копи царя Соломона прежде, чем упадет замертво и превратится в иссохшую мумию наподобие сушеной лягушки.

Хорошо если одному из двадцати удавалось найти в пустыне хоть что-то ценное. Зато в городах, полных доверчивых жителей, даже самый нищий старатель всегда мог раскопать как минимум одного денежного простофилю, обычно биржевого брокера или торговца облигациями, готового выложить две сотни долларов, чтобы снарядить его в очередной поход за мифическими сокровищами. Как правило, настоящие старожилы пустыни были невероятно пронырливы, неискоренимо жизнерадостны и суеверны сверх всякой меры. Когда фордовские автомобильчики принялись скакать по барханам, точно песчаные блохи, истинные старатели провожали их взглядом с молчаливым презрением и оставались верны своему покладистому, трудолюбивому ослику, у которого никогда не кончался бензин или вода и который не мог проколоть колесо о колючку кактуса.

Вскоре после того как друзья миссис Лейн покинули свою стоянку у известнякового утеса, туда, отдуваясь, приплелся старый Дэн О'Брайен, ведя своего осла. Дэн еще не завтракал. Плоские каменные плиты показались ему роскошным столом. Приближаясь к выступу, который он за бесчисленные визиты знал до последнего камушка, его наметанный глаз машинально определил число и социальное положение недавних постояльцев. Он читал следы их пребывания так же легко, как если бы разглядывал их владельцев в холле фешенебельного отеля. Хотя перед уходом туристы прибрались, они оставили достаточно следов и крошек, чтобы выдать всю свою подноготную такому тертому пустынный волку, как старый Дэн.

— Тьфу, загадили место, чисто городской парк стал, — проворчал ворчливый бродяга, замешивая тесто для утренних лепешек.

В ослепительных лучах рассвета вокруг не было ни души, и ни одна колымага не нарушала покой бескрайних ковров пурпура, багрянца, лиловых и желтых цветов, в которые пустыня облачалась весной. И все же бедный старик, искренне влюбленный в священное одиночество, считал, что место осквернено и стало не более уединенным, чем шумная, зловонная городская улица. Ему было тоскливо. Не то чтобы он замечал потрясающую красоту пустыни, полыхающей экзотическими цветами, — старый Дэн, верно, за все свои пятьдесят семь лет в пустыне вообще не разглядел ни одного цветка. Его красота крылась в ином — в его собственной душе, в его неразговорчивости и в страстном желании остаться одному. Какого черта, размышлял он, этим проклятым туристам не сидится на мощеных шоссе?

Лепешки показались ему кислыми. Наверное, так оно и было. Но то была кислота духовная, в корне отличавшаяся от той здоровой кислинки, к которой его приучили долгие годы кулинарной неумелости и которую он подсознательно ждал с нетерпением. Скребя сковороду чистым, скрипучим песком, он уныло смотрел на колышущиеся волны слепящих красок, уходящие к далекому лазурному горизонту, и гадал, остался ли еще на этой земле хоть один уголок, не обжитый бездельниками. Крошечное облачко белой щелочной пыли в пяти милях к западу туманно поблескивало в голубой дымке. Но это, слава богу, был не шлейф от автомобиля.

— Никак Джейк, — промовчав, подумал он. — Ладно, проявлю обходительность, подожду.

Старый Дэн ждал, неподвижный, как ящерица, греющаяся на горячем камне, пока его почтенный приятель Джейк не приплелся со своим ослом. Пустынные волки близко знали друг друга не менее сорока лет. За все это время они обменялись от силы тысячей слов, не больше. И тем не менее они были неразлейвода.

— Здорово, — сказал Дэн.

— Здорово, — отозвался Джейк и сел. Он позавтракал уже давно и теперь просто сидел, наслаждаясь этой роскошью так, как умеет наслаждаться только человек, видящий стул или по-настоящему удобный камень раз или два в год. Разговор не клеился. Вскоре Дэн поднялся, чтобы заняться делом. Его «работа» заключалась в обследовании каждой щели известнякового выступа в поисках руды.

Хотя с геологической точки зрения вероятность найти золото в выветренном известняке стремилась к нулю (и Дэн О'Брайен знал это не хуже любого профессора геологии), он никогда не упускал случая тщательно исследовать эти бесплодные скалы. За последние полвека он, должно быть, осмотрел каждую плиту не меньше сотни раз. Это занятие всегда давало ему хоть какое-то дело, а также служило неиссякаемым источником «отчетов» для сменяющих друг друга поколений доверчивых горожан, которые финансировали его бесчисленные экспедиции. В этом отношении известняковый выступ приносил Дэну О'Брайену несравнимо больше дохода, чем любая золотая жила, которую он мог бы открыть. Ведь если бы ему не повезло наткнуться на настоящее золото, какой-нибудь деловой шустряк мгновенно обобрал бы его до нитки.

Джейк провел не менее примечательный день, просеивая зернистый песок в окрестностях утеса. Тот мог оказаться монацитом, богатым осмием, церием, иридием, торием и еще полудюжиной драгоценных металлов, которые ценятся на вес золота, но Джейк прекрасно понимал, что этот плебейский мусор не стоит и двух центов за тонну. От него тоже ждали «отчета», и старик хотел проявить честность в рамках приличий.

Закат застал их усталыми, молчаливыми и счастливыми. Без лишних слов они перебрались к сочащемуся роднику, пробивавшемуся сквозь известняк в самой высокой его точке с северной стороны. Там они напоили и покормили ослов, в молчании приготовили свои порции фасоли с беконом, без лишних разговоров поужинали, прибрались и улеглись спать. По городским меркам было еще неприлично рано — едва пробило семь.

Если бы в поговорке «Кто рано ложится...» крылась хоть капля правды, Дэн и Джейк были бы практически бессмертны, богаче Рокфеллера и мудрее Соломона: они никогда не засиживались позже семи и всегда выбирались из одеял до без четверти четыре. Впрочем, учитывая их практически безупречный образ жизни, можно сказать, что пословица скорее права, чем ошибается.

В ту ночь было полнолуние. В его мягком сиянии приглушенные оттенки пустынных цветов смутно мерцали бескрайними коврами, напоминая сказочные сады, но усталым старикам было не до них. Даже если бы они не спали, они не заметили бы ничего, кроме обещания очередного знойного дня в безмятежности этого неземного пейзажа. Старый Дэн беспокойно заворочался в одеялах, перевернулся со вздохом и снова погрузился в глубокий сон. Он привык к ночной тишине и абсолютному покою. Что-то потревожило его отдых, но пока недостаточно, чтобы нарушить богатырский сон старателя. Вскоре он раздраженно брыкнул ногой туда, где, по его расчетам, спал Джейк.

— Да перестань ты возиться, а? — проворчал он сквозь сон. Но Джейк лишь тихонько, почти неслышно посапывал, как старый упитанный кот. Он лежал как бревно, слишком усталый, чтобы ворочаться. Дэн позабыл о своем беспокойстве — по крайней мере, на сознательном уровне. Оба спали беспробудным сном, вымотанные до мозга костей.

Вдруг стреноженные ослы принялись всхрапывать. Что-то чуждое и пугающее двигалось по пустыне, где двигаться вообще никому не полагалось. Обладая более тонким чутьем, чем люди, животные почуяли неестественное шевеление задолго до того, как спящим начали сниться тревожные сны об атакующей кавалерии и полках ревущих мулов. Изящно, точно гейши, ослы засемили в лунном свете, ища спасения у южного склона гряды. Люди же продолжали спать.

Джейк проснулся первым. От его дикого вопля Дэн вскочил на ноги, весь дрожа.

— Землетрясение!

Ровный, ползучий шорох — словно миллионы растущих организмов оплетали своими хрупкими усиками дно пустыни — зашелестел в ночи по ту сторону известнякового хребта, и каменные плиты мелко задрожали в унисон. Воздух стал холодным, как в середине зимы; ледяной ветерок медленно потянулся мимо перепуганных мужчин прямо к источнику звука. А затем, один за другим, кошмарные звуки разорвали тишину пустыни в радиусе двадцати миль. Сперва воздух расколол страшный грохот, резкий, как пистолетный выстрел. Старики инстинктивно рухнули лицом в землю, спасаясь от воображаемой пули. Следом раздались два почти человеческих вопля отбившихся ослов — истошные крики ужаса животных, которых ведут на убой. Кровь застыла в жилах стариков. Их скотину зверски, противоестественно убивали, а они были бессильны помочь. Оглушительный треск заглушил последние крики, словно хрустальный собор в один миг рухнул на стальную мостовую. Необъяснимый грохот мгновенно смолк, подобно летнему раскату грома, и лишь ровный, ужасающий ползучий звук делал прозрачный лунный свет невыносимо жутким.

Полупарализованные страхом, бродяги бросились бежать туда, где надеялись найти спасение. Невольно оглянувшись, Дэн увидел, что преследующее их «нечто» уже наступает ему на пятки. Секунды на две он замер как вкопанный, окоченев от ужаса и глядя на порождение, которому ни один человек не смог бы подобрать имени. Оно блестело в лунном свете, точно колоссальный осьминог, только что поднятый из морских глубин, его неуклюжие щупальца были угловатыми, зазубренными и беспорядочно метались во все стороны, словно тварь на ощупь пробивала себе путь в пространстве. В отличие от живых существ, этот монстр был почти прозрачным. Странные пурпурные и зеленые сполохи пульсировали и мерцали в его бесформенной массе, похожие на приглушенную игру фосфорических огней; сотни ослепительных шпилей искрились, точно гигантские разбитые алмазы, на наплывающем гребне, и из каждой этой светящейся точки в тот же миг рождался десяток зигзагообразных угловатых

щупалец. Казалось, существо не перемещается, а разрастается в сторону своей добычи. Основная масса не двигалась вперед, а всё прочнее укоренялась на поверхности пустыни, преодолевая расстояние за счет бокового роста.

Рискуя рассудком, Джейк обернулся и силой увлек Дэна за собой. И они побежали, задыхаясь, в безмолвную глубь пустыни, налетая на кактусы и спотыкаясь о норы гремучих змей, пока не рухнули от полного изнеможения. Они так и остались лежать там, где упали, прижавшись друг к другу в полном оцепенении, пока эта бесконечная ночь не подошла к концу и не занялся рассвет.

Они сошлись на том, что это был не сон. Ну и что с того? То были люди старые, нелюбопытные, всю жизнь привыкшие иметь дело с природой с глазу на глаз, и их трудно было удивить чудесами, от которых у туристов захватывало дух. И все же случилось нечто невиданное, выходящее за рамки их богатого опыта с землетрясениями и капризами пустынных бурь. Любопытство, дремавшее в двух затворнических душах долгие годы, внезапно расцвело в этих увядших старческих сердцах, и они увлеклись до полнейшего безрассудства.

— Пойду гляну, что ли, — буркнул Дэн, поднимаясь.

— Я тоже, — поддержал Джейк.

Без лишних слов они двинулись обратно к известняковой гряде.

— Чуешь запах? — спросил Джейк, когда они приблизились к первому выступу.

— Ослики, — выдвинул гипотезу Дэн.

— Не могло так завонять всего за пару часов. Солнце-то едва встало. — Это была, пожалуй, самая длинная речь, какую Джейк произнес за всю свою жизнь. Дэн осадил приятеля, упрямо повторив свое краткое объяснение.

— Видно ль что? — допытывался внезапно разговорившийся Джейк, когда они подошли к месту своего ночного видения. Дэн почел ответ излишним. Смотреть было не на что.

Они стояли, недоверчиво уставившись на каменные плиты.

— Теперь и не пахнет вовсе, — рискнул заметить Дэн. Джейк отомстил ему, проигнорировав это праздное замечание. Ничуть не смутившись, Дэн затараторил, словно бойкая девчонка: — А царапин этих вчера не было.

Он указал на несколько свежих глубоких борозд в податливом известняке. Джейк кивнул.

— Да и полынь вон там напрочь вытоптана, — заметил он. — Давай-ка найдем ослов.

Осматривая окрестности утеса, они наткнулись на многочисленные, но совершенно необъяснимые следы ночного беспредела. Местами, на добрую сотню ярдов от гряды, кусты полыни были сплющены и переломаны, будто здесь пронеслась танковая дивизия, а солончак шелушился глубокими воронками и был изрезан короткими рвами: какое-то тяжелое тело явно волоклось по земле, продвигаясь вперед едва на фут за раз. Борозды встречались редко, а вот ям-воронок было без счета. И хоть разобраться в этих странных уликах было непросто, старые старатели без слов сошлись на том, что на земле покоилось некое массивное тело, которое под тяжестью собственного веса вдавило свои уродливые очертания глубоко в пыль и конгломерат.

У самой кромки одного из таких опустошенных полынных островков они наткнулись на туши ослов — вернее, на то, что от них осталось. Два тошнотворных багровых пятна, неопишуемое месиво из изодранной плоти, словно несчастных животных пропустили через гигантскую ломтерезку, безмолвно вопрошали равнодушное небо о случившейся трагедии. Бедные старики едва не разрыдались. Они искренне любили своих ослов. Их старческие глаза с жалостью созерцали это жуткое зрелище.

— Костей-то не видать, — заметил Дэн, и в его голосе впервые прорезались нотки суеверного ужаса.

— Размололо их, — предположил Джейк.

— И где ж осколки? — допытывался Дэн.

— Пес его знает. Давай поглядим.

Обуреваемые жутким страхом, они принялись за поиски. Искали на совесть. Ни единого осколка кости, ни единого зуба так и не нашлось. Лишь роговые оболочки восьми копыт, раздавленные почти до неузнаваемости, лежали примерно там, где им и надлежало быть, судя по общему расположению останков.

Когда исчезновение костей подтвердилось окончательно, потрясенные старики замерли, молча глядя друг другу в глаза. Ни один не смел заговорить, боясь выдать себя за дурака. Их суеверие походило на религию порядочного человека — о таком не распространяются на людях. Каждый понимал, о чем думает другой, и каждый втайне считал соратника дураком за эти мысли. В полном молчании они побрели обратно к выступу, на то самое место, где встретились вчера утром.

Здесь их ошеломленным взорам предстало еще одно причудливое последствие ночной вакханалии. Зияющая трещина пяти футов в ширину и около трехсот в длину расколола монолит известняка на две неровные глыбы, разделив их зазубренной пропастью. Казалось, твердая порода была внезапно разорвана изнутри мощным глубинным взрывом. Треск раскалывающегося камня, без сомнения, и был тем самым «пистолетным выстрелом», который они услышали перед тем, как оглушительный грохот обратил их в бегство. Но от того, что вызвало этот грохот, похожий на звон миллиона бьющихся бутылок, не осталось и следа. И все же этот звук казался столь же реальным и отчетливым, как и предсмертные вопли несчастных ослов.

Не привыкшие попусту сотрясать воздух речами, они перешли к делу. Без слов было решено немедленно вернуться в цивилизацию и «доложить». Насколько позволяли старые ноги, они припустили к шоссе, надеясь поймать попутку из тех зевак, что возвращались на своих жестянках в Лос-Анджелес.

Прямо перед тем как проголосовать облюбованной машине, Дэн нарушил мистическое молчание шестичасового изнурительного марша по пеклу.

— Наши фотографии в газетах напечатают, — с жадным упоением предрек Джейк.

— Обоих, — согласился Дэн.

И ведь напечатали.

Глава 3. Эксперимент Сэксби

Дэну и Джейку не составило труда найти в лос-анджелесской газете отзывчивого репортера. Они наделали все свойственные для новичков ошибки и наговорили вежливому молодому человеку массу того, о чем и сами не подозревали. Тот пообещал устроить им знатную статью. Формально он сдержал слово. «Сенсация» вышла на редкость уморительной. Бедные старые бродяги и не знали, что их отдали на растерзание штатному пересмешнику из «Юнайтед Пресс». Имея такую закваску, какую обеспечили ему Джейк и Дэн, этот остряк легко состряпал классический шедевр балаганного юмора. Город покатывался со смеху; бродяги крыли всех на чем свет стоит. Статейка вышла до того хороша, что разошлась по всем газетам страны. За неделю ее прочитали и оценили двадцать миллионов разумных человеческих существ, и ни одно из них не уловило сути. Им казалось, что это отличный повод для хохота — как же они ошибались.

Разочарованные старатели в одночасье стали знаменитостями в Лос-Анджелесе и его окрестностях. Один предприимчивый господин из Голливуда предложил им баснословную сумму за трехмесячное турне по эстрадным театрам. Дэн и Джейк были вне себя от ярости. Их правдивый рассказ высмеяли в пух и прах. Теперь ими двигал лишь праведный гнев — они жаждали отстоять свою правоту. Контракт они подписали. Но, наученные горьким жизненным опытом общения с деловыми людьми, они твердо настояли на пятидесятипроцентной предоплате наличными. И слава богу. Их «номера» с треском провалились. К концу недели голливудский импресарио был рад-радешенек отправить их обратно в пустыню, благословив на прощание и оставив им эти пятьдесят процентов.

Удивительно, но из всех, кто познакомился с этой историей, никто и не подумал проверить, что за следы остались на известняке и отчего погибли ослы. Предпочтя досужие разговоры простому действию — пойти и посмотреть, — двадцать миллионов обывателей лишь повторили в миниатюре унылую историю всего человеческого рода.

Когда в четверг после Пасхи миссис Лейн вернулась в Лос-Анджелес, она бегло просмотрела заголовки скопившихся газет, чтобы узнать, что стряслось за время ее отсутствия. Сделала она это наспех, прямо на веранде, прежде чем войти с Томом в дом. Забавный рассказ о двух пустынных волках и их чудной пирушке сразу бросился ей в глаза — его напечатали на самом видном месте. Пробежав глазами бойкий фельетон, зловещего смысла она не уловила. Уж больно смешно было написано. Сгребши газеты в охапку, она заглянула в почтовый ящик.

— Ну, Том, — заметила она, — письма от папы ждать еще рано, но давай проверим на всякий случай. Боже! Да тут телеграмма.

Она сорвала обертку и единым взглядом охватила лаконичный текст, сперва ничего не поняв.

«Капитан Лейн благополучно следует в Китай на борту американского транспорта "Шерман"».

Эта утешительная, но загадочная депеша была отправлена из Сан-Диего и подписана штабным офицером. Что бы это могло значить? Миссис Лейн поспешно вошла в дом, отправила Тома забрать Хута у соседей и принялась систематически штудировать газеты. Вскоре она нашла все, что искала.

— Жив-здоров, — вздохнула она. — Это главное.

Она сидела в тишине, размышляя и втайне желая, чтобы Боб поскорее ушел из армии. Пока ее мысли в полузабытии блуждали по их счастливому прошлому и туманному будущему, подсознание вовсю трудилось над тем богатым, причудливым пиршеством, которое она сама, того не ведая, перед ним разложила. Пасхальный ночной «кошмар», «взрыв» «Шеридана», нелепая байка этих фантазеров-старателей — все это странным образом переплеталось, хотя

оставалось чуждым и по отдельности непостижимым. Какую глупую фразу высказал тот юморист, пересказывая историю Дэна? «Бомбардировка биллионами пивных бутылок». Безумная аллитерация практически провела анализ абсурдных авантюрных аномалий — такая дурацкая мысль внезапно промелькнула у нее в голове. Она очнулась от грез.

— Странно все это, — произнесла она, толком не понимая, к чему именно относятся эти слова. — Надо бы еще разок перечитать про тех старателей.

При повторном чтении искаженная до неузнаваемости история проявилась с пугающей очевидностью. Даже гению юмора не удалось до конца замаскировать жуткую правду. Грохот, который Джейк и Дэн пытались косноязычно описать, должно быть, разительно походил — пусть и в гораздо больших масштабах — на тот, что они с Томом слышали в детской. Как и она, бродяги не нашли никаких следов битого стекла. И все же, если эта «бомбардировка» была не дурным сном, а чем-то вполне осязаемым, старики должны были обнаружить тонны стеклянного крошева на известняке. Странное совпадение ее сна с их явью обретало гнетущий, зловещий смысл. Миссис Лейн вдруг почувствовала непреодолимое желание глотнуть свежего воздуха. Она вышла на задний двор подождать Тома с Хутом. Старики, не вовремя вспомнилось ей, тоже упоминали о запахе тления, который рассеялся с наступлением утра. Что все это значит? Камень, по их словам, «лопнул», как и «Шеридан», тоже внезапно. Опять совпадение, или нечто большее?

Несправедливость насмешек, обрушившихся на бедных стариков, которые изо всех своих скромных сил пытались поведать чистую — пусть и диковинную — правду, заставила ее пульс забиться чаще. Изабел Лейн, как и ее муж, была прирожденным бойцом, когда дело касалось справедливости. В ней закипало возмущение.

— Я напишу редактору, — заявила она, — и выскажу все, что думаю о его лживой газетке.

Она метнулась в гостиную и на одном дыхании накатала яростный протест. К несчастью, Изабел была так разгневана, что письмо ее вышло уморительным — причем совершенно непреднамеренно. Оно превзошло даже старания профессионального остряка, расписавшего приключения Дэна и Джейка.

— Вот! — припечатала она ни в чем не повинную двухцентовую марку. — Пускай знает, что он не такой умник, каким себя воображает.

В пылу праведного гнева она кратко, но во всех подробностях изложила собственное приключение с «грохотом» в пасхальную ночь — дабы доказать, что пустынные волки вовсе не страдали белой горячкой, на что намекал этот бумагомарака. «Сама я, — добавила она, — к спиртному и близко не притрагиваюсь, и уверена, что мой четырехлетний сын — не горький пьяница. А он тоже все слышал».

Прочитав письмо Изабел, редактор лишился дара речи от неопишуемого восторга. Наконец к нему вернулся голос.

— Позвони этой дамочке, — приказал он секретарше, — и предложи ей полтинник в неделю за полколонки в день. Ну и штучка, огонь-баба! Просто блеск!

Ответ Изабел был исполнен негодования: твердое «нет». Она могла сражаться за правое дело, но не за длинный доллар.

— Можем мы напечатать ваше письмо, миссис Лейн?

— Если не напечатаете, значит, вы трусы.

— Благодарю вас, миссис Лейн. Завтра утром ищите свое письмо на первой полосе. Всего доброго.

Письмо благополучно вышло в свет, и страна посмеялась от души еще раз. Однако на сей раз пресса сослужила полезную службу. Послание Изабел стало тем самым недостающим звеном в прочной цепи улик, которая без него могла бы никогда не замкнуться. Разумеется, старый Джонатан Сэксли докопался бы до истины и сам, но благодаря этой удивительной под-

сказке он получил фору по меньшей мере в неделю. И эта фора оказалась на вес золота: с ней он едва не разнес в пух и прах всю Азию; без нее он, пожалуй, остался бы дома и разнес бы в щепки Соединенные Штаты.

Джонатан Сэксби, бывший профессор геологии ведущего американского университета, разменял седьмой десяток и находился в зените своих блестящих аналитических способностей. Хотя в обиходе его звали не иначе как «старик Сэксби», старым он был разве что с виду, разительно напоминая мистера Пиквика, каким этого мудреца обычно изображают на склоне лет. Живостью ума он ничуть не уступал двадцатипятилетним. Что же до физической выносливости, то, по признанию его быстро утомлявшихся молодых коллег, старик Сэксби мог заездить самого черта. Он знать не знал, что такое усталость, будь то в тиши лаборатории или во время летних скитаний по кручам и бескрайним просторам зыбучих песков. Питался он лишь раз в день, но уж когда садился за стол, опустошал кладовые подчистую. В плане выпивки он выказывал такую же умеренность. Три бутылки не самого легкого вина за обедом — и этого ему вполне хватало на круглые сутки.

Оставив профессорскую кафедру, Сэксби долго колебался между Италией и Калифорнией, выбирая идеальное пристанище для старости. Он мог позволить себе и то и другое, поскольку сколотил изрядное состояние, консультируя три самые удачливые нефтяные корпорации. Те не поскупились на гонорары. Старик Сэксби в делах не был дураком. Тогда, в его пятьдесят пять лет перед ним лежал весь мир, и волен он был выбирать себе приют, и он выбрал Калифорнию.

Не без сожаления Сэксби расстался с розовой мечтой об Италии. Решающий голос оказался за его странным увлечением. Сэксби был неисправимым, страстным коллекционером. Его собрание было, пожалуй, самым причудливым из всех, что когда-либо порождала человеческая страсть к собирательству. Оно состояло из тысяч землетрясений, аккуратно занесенных в таблицы, классифицированных, снабженных перекрестными указателями и разложенных на простейшие гармонические составляющие. Для такого коллекционера Калифорния имела очевидные преимущества перед Италией — пусть даже пресловутая калифорнийская скромность не позволяла местным хвастать этим на каждом углу. Если не брать в расчет Японию, Калифорния, пожалуй, действительно предоставляла любителям землетрясений самую эффективную и лучшую в мире сейсмологическую службу. Когда же старик Сэксби вдобавок прознал, что калифорнийские виноделы продают восхитительное сусло из трех сортов винограда по цене одной хорошей песенки за сорокагаллонную бочку, и что природа сама сделает все как надо совершенно бесплатно — стоит лишь вышибить втулку и дать бочке постоять три недели, — колебаниям настал конец. Он обосновался в Лос-Анджелесе, намереваясь провести следующие шестьдесят лет жизни за коллекционированием землетрясений и питаясь раз в день.

Старик Сэксби был убежденным холостяком как в теории, так и на практике. Толстую старую темнокожую кухарку он терпел при себе лишь потому, что почти никогда с ней не пересекался. Будь мамочка Джемайма настолько безрассудна, чтобы высунуть нос из своих покоев и предстать пред очи хозяина, она вылетела бы со службы в ту же секунду. Его более интеллектуальные запросы обслуживал так называемый секретарь — обычно молодой японец, китаец или филиппинец. В официальные обязанности секретаря входило содержать в образцовом порядке тысячи землетрясений в картотеке и расширять кругозор старика Сэксби своими причудливо-прямыми, языческими взглядами на любые христианские обычаи.

В свое время Сэксби нанимал буддистов, конфуцианцев, даосов и записных безбожников, а однажды даже попытался сработаться с мусульманином. Последний едва не довел его до цугундера. Смуглый юноша оказался блестящим геохимиком, стипендиатом Международного исследовательского фонда и именно тем соавтором, в котором Сэксби тогда отчаянно нуждался для своего классического труда по базальтам. Ему пришлось скрепя сердце уволить это сокровище, поскольку яростный фанатик непрестанно читал проповеди против христиан-

ского порока винопития, который для правоверного мусульманина — гнуснейшая из привычек. Старик Сэксби рассудил, что если оставит этого зануду при себе, тот его неминуемо перевоспитает.

Нынешним же обладателем этой завиднейшей в мире секретарской должности был молодой мистер Ян, аспирант Колумбийского университета, присланный китайским правительством. Ян тоже сочетал в себе таланты геолога и химика, но, в отличие от красноречивого магометанина, являл собой образец осмотрительности и такта. У Яна имелся лишь один изъян: он упрямо твердил, что топазовое вино старика Сэксби не идет ни в какое сравнение с кристально чистой, забористой китайской водкой. Сэксби так и не удалось переубедить его.

Стоит ли удивляться, что в невод, которым старик Сэксби вылавливал землетрясения, угодила и история Дэна с Джейком. Помимо еженедельных сводок со всех сейсмологических станций мира, Сэксби выписывал материалы как минимум из двух газетных вырезочных бюро в каждой цивилизованной стране. Бюро получили строгий приказ прочесывать ежедневную прессу в поисках малейшего упоминания о чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающем подземные толчки. У вырезчиков имелся список ключевых слов, таких как "дрожь, тремор, встряска, толчок, оползень" и еще сотня других, при помощи которых они просеивали тонны фактов и дезинформации, ежедневно вываливаемой на задыхающийся, беспомощный мир.

Временами эти уловы доводили старика Сэксби до белого каления. Так, в пору выборов под рубрикой «оползень» ему присылали центнеры вырезок, славящих очередной триумф непотопляемой Великой старой партии. Под словом «трясучка» его заваливали рекламой лекарств от малярии, а однажды из вырезочного бюро в Мехико по ключевому слову «дрожь» ему прислали подробнейшие инструкции по домашнему лечению одного деликатного мужского недуга, коим он отродясь не страдал. Рассказ Дэна и Джейка попал к нему по ключевым словам «тряска», «сотрясение» и «грохот». Статье, решил Сэксби, заслуживает пристального внимания. Он велел Яну убрать ее в «инкубатор» — так на его техническом жаргоне именовался шкаф, где хранились отчеты о зачатках землетрясений, из которых со временем могли вылупиться полновесные, взрослые катаклизмы. Яну также вменялось в обязанность ежедневно просматривать местную прессу в поисках новых подробностей.

Аномальное явление в пустыне, если оно вообще имело отношение к землетрясениям, явно принадлежало к какому-то совершенно новому виду. Старик Сэксби буквально молился о том, чтобы Дэн и Джейк в итоге оказались такими же правдивыми, какими сейчас казались лжецами. Единственной деталью в их рассказе, имевшей хоть какую-то научную ценность, был раскол известнякового монолита. Это звучало по-научному, хотя, скорее всего, было очередным враньем. Прежде чем самолично отправиться в пустыню, Сэксби решил дожидаться новых подробностей. Одно обстоятельство во всем этом предполагаемом чуде выглядело особенно подозрительно: сверхчувствительные сейсмографы Андерсона-Смита в обсерватории Пасадены не зафиксировали ни малейшего намека на подземные толчки в ту ночь. Из чего Сэксби заключил, что вся история — не более чем на редкость занимательная мистификация.

Когда расторопный Ян чин по чину положил перед хозяином вырезку с гневным письмом Изабел Лейн, старик протер глаза и хмыкнул.

— В этом что-то есть. Пожалуй, нанесу визит этой даме. Можешь ужинать без меня, Ян. Джин перед уходом я запру, а ключ заберу с собой, так что не трать время на поиски. Бывай.

Когда миссис Лейн открыла дверь, она встретила взглядом с пронизательными, испытующими голубыми глазами пожилого, небрежно одетого человека. Его просторный альпакочный костюм топорщился всеми мыслимыми и немыслимыми способами, какими только может топорщиться одежда, а лысая непокрытая голова очаровательно розовела, точь-в-точь как спинка только что выкупанного младенца. За довольно упитанной фигурой угадывалось плотное, крепко сбитое тело сильного человека. В свои тридцать лет Сэксби был силен как ломовая

лошадь; теперь же, разменяв седьмой десяток, он, хоть и порядочно усох, все еще производил впечатление наличия огромной мускульной силы и неиссякаемой выносливости. Его мягкая, детская улыбка, с которой он разглядывал Изабел, была совершенно обезоруживающей. Она приняла его за бродячего мастера по ремонту зонтиков.

— Спасибо, — сказала она, надеясь поскорее от него отделаться, — сегодня мне ничего не нужно.

— Даже землетрясения, случайно, не найдется? — невинно поинтересовался старик Сэксби.

— Землетрясения? Что, ради всего святого, вы имеете в виду?

— Ну... э-э... обычного землетрясения, конечно, — ответил Сэксби так, словно просить о подобном было самым естественным делом на свете. — Видите ли... э-э... видите ли, — пустился он в объяснения, — я их коллекционирую. И я прочел ваше прелюбопытное письмо в газете. Вот и подумал — естественно, подумал, — что у вас могли остаться какие-нибудь интересные подробности, о которых вы не стали сообщать репортерам. Видите ли, я... э-э... я Джонатан Сэксби.

Изабел недоверчиво оглядела это детское лицо. Старик казался вполне вменяемым. Стоит ли приглашать его в дом? Хут, бесшумно соткавшись из ниоткуда, доверчиво потерся о мешковатые брюки старика и величественно прошествовал в прихожую. Это был явный знак одобрения.

— Не желаете ли войти, мистер Сэксби? — предложила миссис Лейн.

— Спасибо, пожалуй, войду. Пожалуй, войду. Итак, насчет вашего землетрясения, — начал он, когда с удобством устроился в кресле. — Вы уверены, что оно вообще было?

— Но никакого землетрясения не было! — запротестовала Изабел. — В своем письме я очень тщательно избегала любых намеков на подземные толчки. То, что слышали мы с Томом, было совсем другим. Это было похоже на ливень из битого стекла.

— «Бомбардировка биллионами пивных бутылок», — тихо процитировал старик Сэксби. Ян предусмотрительно подчеркнул эту поэтичную фразу в газетной вырезке, и она совершенно покорила профессора своим изяществом.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросила Изабел. — Если вы собираетесь намекать на то же, на что тот умник намекал в отношении старателей, вы можете уходить прямо сейчас.

— Вовсе нет, помилуйте, вовсе нет, — примирительно пробормотал он. — Я просто подумал, какая это красивая фраза. Но это землетрясение — или, если угодно, бомбардировка — на самом деле было землетрясением. Те старики отчетливо почувствовали, как содрогнулась скала.

— Не верю. В этом доме ни одна вещь не сдвинулась с места, хотя что-то определенно пыталось их передвинуть.

— Неужели? — воскликнул Сэксби, подаваясь вперед. — Поразительно! Вы настоящий живой сейсмограф, миссис Лейн. Получается, вы ощутили землетрясение до того, как оно... нет, не совсем так. Вы почувствовали напряжение в горных породах, которые едва не лопнули, вызвав толчок. Должно быть, вы исключительно чувствительны.

— Для человека в здравом уме вы несете самую несусветную чушь, какую мне только приходилось слышать.

— Знаю, знаю, — благодушно согласился он. — Я всегда ее несу, понимаете ли. Вот почему я — это я, а не, к примеру, тот бедный старый тряпичник, за которого вы меня приняли, когда открыли дверь. Но вернемся к вашему землетрясению — или как вам будет угодно его называть. Пожалуйста, расскажите мне все по порядку. Вы подтвердили слова старателей о жутком грохоте и дурном запахе. Но мне кажется... э-э... мне кажется, миссис Лейн, что вы что-то скрываете.

— Скрываю. Яйцо.

— Яйцо? Как необычно! И почему же вы не рассказали газете про это замечательное яйцо?

— Ну, — призналась Изабел, — во-первых, не хотелось выглядеть дурой. А во-вторых, я побоялась, что моего мужа — он капитан морской пехоты — отдадут под трибунал, если я проболтаюсь.

— Под трибунал? — в замешательстве переспросил Сэксби. — За яйцо? Уверяю вас, миссис Лейн, так не бывает.

— Не бывало, — поправила Изабел. — Но вполне может случиться, если штабные офицеры окажутся достаточно сообразительны, чтобы сложить два и два.

— Так вы занимались арифметикой, миссис Лейн?

— И очень усердно.

— И какой же получился ответ?

— Никакого. С цифрами у меня нелады. Но ума мне хватает, чтобы держать язык за зубами.

— Полноте вам. Мне вы можете довериться. Я не знаком ни с одним военным — я даже ни одного полицейского не знаю. А если бы и знал, то ничего бы ему не сказал, даже собственного имени. Так что там с яйцом?

— Это было обычное зеленое пасхальное яйцо.

— Оно еще у вас?

— Нет. Городской химик уничтожил его, когда делал анализ зеленого красителя. Краска оказалась совершенно безвредной.

— Кто бы сомневался, — сухо обронил Сэксби. — Не понимаю, при чем тут ваше зеленое яйцо, но позвольте рассказать вам одну историю. Чистая правда, уверяю вас. Лет сорок назад несколько очень уважаемых профессоров химии в Германии вывели красивую теорию, объясняющую любые химические реакции. Они могли объяснить буквально всё. И вот, когда эксперимент шел наперекосяк, и вместо прозрачной жидкости или приличного осадка у них получалась какая-то склизкая жижа, не бывшая ни жидкой, ни твердой, они ставили этот химический стакан на самую верхнюю полку за дверью, потому что он противоречил их теории. «Обычная глупая ошибка эксперимента», — заявляли они. Вскоре вся верхняя полка оказалась заставлена стеклянными банками с синей, зеленой и коричневой слизью — теми самыми ошибками эксперимента. Тогда они принялись за полку пониже, и так далее. В конце концов им пришлось занять другие полки, которые уже нельзя было спрятать за дверью, и спустя двадцать лет они были вынуждены переехать из большой лаборатории в комнату поменьше. И вот туда, в эту грязную старую лабораторию, определили работать одного молодого человека, у которого отродясь не было никакой красивой теории. Его заинтересовала жижа в банках, и он принялся в ней ковыряться. Когда он закончил, от прежней теории не осталось и камня на камне, зато он ввел эту слизь в моду. В химии сейчас это самый писк. Нужно ли объяснять мораль? Когда городской химик уверяет, что ваше зеленое яйцо безвредно и питательно, не верьте ему. Он, скорее всего, совершил ошибку эксперимента.

— Я рада, что вы так думаете. Хотя я ничего не смыслю в науке, здравый смысл подсказывает мне, что с этим яйцом творилось что-то в корне неправильное. Кот — вы его видели, этот большой рыжий обормот, — понюхал его и упал без чувств. То же самое случилось с тремя мужчинами, один из которых врач.

— Вот это уже интересно, — оживился Сэксби. — Не расскажете ли вы мне всю историю целиком? — взмолился он. — Даю вам слово, что никому не обмолвлюсь ни звуком, если вы того пожелаете. Терпеть не могу шумиху.

— Хорошо, — согласилась она. — Может быть, вам удастся разглядеть связь между всеми этими капризами природы. У меня не получается. Начнем с того, что мой муж оказался одним из шестнадцати спасшихся при крушении «Шеридана». Вы читали об этом?

— Не припомню. Видите ли, моя страсть — землетрясения, и на газеты у меня времени нет. Все, что я читаю, мне присылают вырезочные бюро. Целиком газету я в глаза не вижу.

— Так вот, — продолжила Изабел, — судно просто лопнуло. Внезапно. А те двое старателей утверждают, что скала в пустыне лопнула со звуком пушечного выстрела. И они почувствовали точно такой же запах, какой почувствовали мы с Томом — моим сыном. Вот вам первая пара совпадений. Звук бьющегося стекла — вторая. И наберется еще несколько, если вы выслушаете все до конца.

Она подробно и точно изложила ему все факты, начиная от покраски пасхальных яиц и заканчивая своим письмом в газету.

— Ну вот, — заключила она, — если вы сможете во всем этом разобраться, значит, вы куда умнее меня. И куда делся тот коврик у койки Тома? Кому понадобилось красть копеечную хлопковую подстилку?

Глаза старика Сэксби блеснули.

— Интересно, — пробормотал он.

— О чем это вы?

— Обо всем сразу. Я пока не строю теорий. Вы сказали, что заменили разбитое яйцо тем, что хранилось в жидком стекле?

— Да. Мы с мужем ели такие. Они были вполне хорошими, но для Тома мы всегда покупали только свежие. Некоторые врачи считают, что в консервированных яйцах не хватает витаминов.

— Понятно. Разрешите мне взглянуть на банку с жидким стеклом?

— Увы, не получится. Я ее выбросила.

— Почему?

— Потому что оно испортилось.

— Насколько «испортилось», миссис Лейн?

— Оно всё пошло какими-то тягучими нитями и покрылось мутно-голубыми пятнами.

— И вы его выбросили?! — воскликнул Сэксби с неподдельным отчаянием в голосе. — О, какая жалость! Боюсь, это была еще одна из тех бесценных «ошибок эксперимента». Куда вы его дели?

— В бак с жидкими отходами. Мусорщики забрали всё сегодня утром.

Старик Сэксби застонал.

— Какая досада! Невосполнимая утрата. Если только... — воскликнул он, внезапно просветлев, — мы не сможем его отыскать. Куда они свозят мусор?

— Его сжигают.

— Боже мой! Безнадежно. Вам бы профессором в немецком университете работать — в Берлине или Лейпциге. Я годами грезил о чем-то подобном! И вот, когда это наконец происходит, какой-нибудь «немецкий профессор» берет и вышвыривает все мои эксперименты в помойное ведро. Слава Богу, я так и не женился.

Хотя столь пылкая благодарность Сэксби и не заключала в себе особого комплимента для Изабел, она лишь улыбнулась в ответ.

— Раз уж городской химик ухитрился сделать анализ целого яйца, вы вполне сможете обойтись и банкой.

— О, святая женщина! Вы не выбросили банку?

— Конечно нет. Мы не миллионеры.

— Значит, она все еще грязная — в химическом смысле, разумеется. Можно мне ее одолжить?

— Разумеется. Вы собираетесь проверить рассказ старателей?

— Именно так. Сегодня же ночью. Если от газет вообще есть какой-то прок, кто-нибудь в редакции должен знать точное расположение этого известнякового выступа и как добраться туда на автомобиле. Позвольте воспользоваться вашим телефоном?

— Он в столовой, вон там. Знаете, я тут подумала, — медленно произнесла она, — что мне тоже стоит взглянуть на это место.

— Возможно, хотя я не вижу для этого ни единой разумной причины. Впрочем, я никогда и не претендовал на то, что хорошо понимаю женщин. Поехали со мной, если хотите.

— Спасибо, поеду. Пока вы звоните, я найду Тома и пристрою его к соседям.

Когда Изабел вернулась, выяснилось, что Сэксби уже разузнал все необходимое у расторопных газетчиков. Кроме того, он успел вызвать по телефону хорошую машину с водителем.

— До полуночи будем на месте, — объявил он. — Вы уверены, что капитан Лейн не станет возражать, когда узнает о нашей поездке?

— С какой стати? — небрежно бросила Изабел, примерно так же, как могла бы отозваться о Хуте.

Старик Сэксби пробормотал что-то насчет «современных женщин» и предложил перекусить где-нибудь по дороге у стойки придорожной закуской. Изабел согласилась.

— Банка вам нужна прямо сейчас?

— Я оставлю ее своему секретарю-китайцу. Он ведь химик, знаете ли. Нам это почти по пути.

Банку чин по чину передали Яну для химического анализа, и автомобиль устремился к шоссе, ведущему в пустыню. Поначалу в гаснущих сумерках Изабел не узнавала дорогу, но вскоре один знакомый ориентир за другим убедили ее, что машина идет тем же самым путем, каким ехала она со своими друзьями. Водитель уверенно гнал машину вперед долгие пять часов. Когда взошла луна, он сбавил ход.

— Это должно быть вон там, милях в пяти к востоку, — сказал он. — Высадить вас здесь или рискнем проколоть шины? У меня четыре запаски.

— Рискнем, — скомандовал Сэксби. — Я плачу.

Автомобиль съехал с дороги и осторожно лавировал между кактусами. Через полчаса прямо перед собой в лунном свете они различили неясный синеватый силуэт невысокой гряды.

— Это она! — воскликнул Сэксби. — Дальше мы дойдем пешком. Ждите нас здесь, — распорядился он, обращаясь к водителю.

Добравшись до скального выступа, они сразу же обнаружили зияющую трещину. Лунный свет в пустыне отчетливо, до мельчайших подробностей, вырисовывал весь рельеф.

— Первое совпадение подтвердилось, — заметил Сэксби.

Изабел не ответила. Она пристально разглядывала окрестности, казавшиеся в этом освещении странно чужими, все еще не до конца уверенная в своей догадке. Она подошла к расщелине в скале и отодвинула прикрывавшую ее небольшую плоскую плитку. Высохшие остатки еды, которую она здесь готовила, были на месте.

— Это то самое место, — медленно произнесла она, холодея от необъяснимого страха, — где мы ужинали и завтракали. Я, должно быть, сидела прямо над этой расщелиной. И теперь я вспомнила, — продолжила она, — как раз там, где мы устроились, в известняке была длинная трещина. Том еще обратил на нее наше внимание, когда утром увидел, как оттуда выскочила маленькая ящерица. В лунном свете я не сразу узнала это место. В ту ночь мы легли спать еще до восхода луны.

Сэксби ответил не сразу. Он напряженно думал, внимательно осматриваясь вокруг.

— Два и два, — прокомментировал он. — А вот и искомое «четыре». Вы заметили эти свежие царапины на известняке?

Он опустился на колени, чтобы рассмотреть их поближе.

— Чрезвычайно любопытно, — пробормотал он. — В этой пустыне можно найти любое сочетание минералов, какое только придет в голову. Эта порода — песчанистый известняк, усеянный крупными крупного кварцевого песка. Карбонат кальция и диоксид кремния. И то и другое встречается сплошь и рядом. Но крайне интересно.

— Здесь есть что-то необычное?

— Ровным счетом ничего. Давайте взглянем, как устроена эта странная расщелина. Возможно, она натолкнет нас на мысль об экспериментах, которые следовало провести еще столетие назад. Но мы ведь все поголовно были профессорами и прятали действительно интересные вещи подальше, на самую верхнюю полку — туда, где они не заставили бы нас думать.

— Что за эксперимент вы хотите провести? — спросила Изабел, когда они подошли к самому краю пропасти.

— Трудно сказать. Мне станет яснее, когда Ян закончит анализ налета на внутренней стороне банки. Но в любом случае я начну завтра утром.

— Мы вернемся домой только к утру, — напомнила Изабел. — Вы же совсем выбьетесь из сил.

— Я никогда не сплю, когда работаю. Что ж, эта трещина — пока самое интересное из всего, что мы видели, — продолжал он, стоя на коленях.

— Почему? — спросила Изабел, снова ощущая, как внутри разливается леденящий, безотчетный страх.

— Да потому, что она точь-в-точь как остальная скала, за исключением одной детали. Все до единой крупы кварца исчезли. — Он чиркнул спичкой. — Посмотрите сами. Известняк словно изрешечен крошечными дырочками, и все они пусты. Ни единой песчинки кварца не видать.

— Обещайте, — внезапно попросила Изабел, — что никогда ни единой душе не скажете, что я знаю об этом месте или вообще здесь была.

— Хорошо, — согласился Сэксби. — Надо полагать, из-за вашего мужа?

Она кивнула:

— Возможно, между гибелью «Шеридана» и тем, что видели эти старатели, нет никакой связи. Но безопаснее помалкивать.

— Безусловно. Связи может и не быть. Хотя куда вероятнее, что она есть. Точно я буду знать после того, как завершу свой эксперимент. Но не беспокойтесь, капитана Лейна под трибунал не отдадут. А теперь давайте проверим остальную часть истории. Я хочу в точности увидеть, как именно погибли ослики.

Вскоре они обнаружили то, что искали. Погода стояла жаркая. Сэксби уже собирался пойти вперед один, как вдруг замер. На самой грани восприятия до него донеслось слабое подобие едва различимого звука. Вслушавшись, он ничего не разобрал. Он двинулся дальше под ярким лунным светом, торопясь покончить с этим неприятным делом. Пройдя ярдов двадцать, он мгновенно остановился, парализованный безотчетным ужасом.

— Боже милостивый! — вырвалось у него. — Что это такое?

Хотя в этот жуткий миг он был совершенно не в силах осознать истину, задуманный им эксперимент уже начался и теперь развивался с пугающей скоростью. Сухой, ползучий шорох — словно бесчисленные иссохшие змеиные шкурки с тихим трением медленно волочились друг по другу — безжизненным шепотом разлился в лунном свете. Это был тот самый звук, который слышали старатели и который они тщетно пытались описать зубоскалу-репортеру. Для Сэксби это обернулось неожиданным кошмаром: ведь старателям удалось описать лишь оглушительный треск, которым увенчалось их ночное видение.

Медленно повернув голову, он посмотрел назад, в сторону гряды, и увидел Изабел: она застыла как вкопанная, парализованная страхом перед чем-то, что явно шевелилось. Оно

испускало слабое внутреннее свечение — мутное, пульсирующее сияние, ритмично переливавшееся от пурпурного к зеленому, и вся эта масса была совершенно бесформенной. Очертания ее, если они вообще имелись, не поддавались никакому описанию. Однако, пока он замороженно созерцал мерцающую флуоресценцию, туманная туша принялась обретать отчетливые контуры, становясь угловатой в тысячах искрящихся точек. Чем бы ни являлось это существо, оно отчаянно стремилось ожить.

Ощувив всю ярость этой немой борьбы за жизнь, Сэксби опомнился. Он рванулся вперед, к этой полуживой массе, и силой увлек Изабел за собой. Она была в полном сознании и теперь доподлинно знала, что именно едва не лишило рассудка ее четырехлетнего сына.

Каждую секунду ожидая услышать сокрушительный грохот, знаменующий гибель этой твари, они со всех ног помчались к машине. Но грохота так и не раздалось — по крайней мере, они его не услышали. И то, что они не застали финала этой твари, внушало им новый, еще больший страх. Жива ли она? И если да, то сколько ей суждено прожить? Способна ли она передвигаться? Если она не настигнет машину до того, как они покинут пустыню, в каком обличье она явится в каком-нибудь городе или поселке? И чем она питается — если еда вообще необходима для поддержания ее существования? Они вспомнили несчастных осликов. Но те были лишь изрублены в клочья, а не сожраны... если только то обстоятельство, что старатели не нашли ни единой косточки, не объяснялось каким-то совершенно противоестественным способом поглощения пищи.

Без сил они повалились на сиденья машины.

— Домой, гони что есть мочи!

Они сидели, напряженные и безмолвные, ожидая отголосков грохота, который так и не прозвучал. Когда машина вылетела на шоссе, к Сэксби вернулось его исследовательское любопытство.

— Интересно, — пробормотал он, — когда я заносил ту банку в дом, я держал ее обеими руками или только одной?

— Одной рукой. Я хорошо помню, потому что вам пришлось открывать дверь ключом.

— Значит, мои пальцы неизбежно коснулись налета на внутренней стороне. Это многое объясняет. Черт! Надеюсь, с Яном ничего не случилось. Нельзя ли прибавить ходу?

Страхи Сэксби оказались напрасными. С Яном ничего не случилось.

Глава 4. Ужин Яна

— Ян, — спросил старик Сэксби как-то утром, недели через две после возвращения из пустыни, — как думаешь, я смогу выучить китайский в моем возрасте?

Ян, чья английская речь стала почти безупречной после суровой лингвистической чистки в Кантоне и Нью-Йорке, подошел к вопросу беспристрастно. На его утонченном, интеллектуальном лице отразилось легкое страдание.

— Нет, — ответил он просто.

— Какого черта нет?

— Потому что, — ответил правдивый Ян, придав своим словам непреднамеренную двусмысленность, — я не знаю, насколько вы глупы, мистер Сэксби.

— Не знаешь, значит? — фыркнул старик Сэксби. — Что ж, о тебе я этого сказать не могу. Ты копаешься с этим анализом целых двенадцать дней и не нашел ровным счетом ничего.

— Там обнаружены значительные следы кремния, — укоризненно напомнил Ян.

— Естественно. Еще бы им там не быть. Особенно после того, как я сказал тебе, что в банке хранилось жидкое стекло, прежде чем миссис Лейн ошпарила ее кипятком. А что бы ты нашел, если бы я сказал, что она использовала эту банку для варки домашней браги?

— Следы алкоголя, — тут же отозвался Ян. — Я настоящий эксперт в химии.

— Похоже, ты еще и эксперт по дипломатии, — заметил Сэксби.

— О нет, мистер Сэксби. Я бы нашел все что угодно из того, что, по вашим словам, миссис Лейн держала в банке, потому что вы как великий Джордж Вашингтон. Вы никогда не лжете. Могу ли я поинтересоваться, зачем вам учить китайский в вашем возрасте, мистер Сэксби?

— Потому что я хочу изучить геологию Китая из первых рук.

Ян встретил это известие красноречивым гробовым молчанием. Для слуха Сэксби это почтительное молчание означало, что Джордж Вашингтон сошел со своего пьедестала.

— Раз уж ты мне не веришь, — продолжила его мысль профессора, — так и быть, скажу правду. Все равно рано или поздно узнаешь. Мне нужно нагнать капитана Лейна и убедить его провести несколько месяцев в Китае. Неизвестно, сколько еще твои соотечественники будут воевать между собой. Это не наше дело. Но у меня есть сильное подозрение, что наши войска выведут, как только все американские граждане окажутся вне опасной зоны. Лейн может отправиться домой через месяц, два или три. Я должен добраться до него до того, как он двинется обратно в Соединенные Штаты. Мы с его женой сошлись во мнении, что ему пока лучше не возвращаться.

— Миссис Лейн хочет развод? — вежливо поинтересовался Ян.

— Ах ты ненаучный идиот! Почему ты вечно делаешь самые нелепые выводы?

— Потому что я прожил в Америке шесть лет. Я знаю обычаи этой страны, — с гордостью добавил он. — И вы каждый день навещаете миссис Лейн.

— Ну, на сей раз ты сел в лужу. У тебя типично восточный склад ума. Миссис Лейн двадцать пять лет. Мне шестьдесят, и я не выжил из ума. Меня одежда капитана Лейна интересует куда больше, чем его жена. Ты что-нибудь знаешь о китайской провинции Ганьсу?

— Я знаю о ней всё, — скромно признался Ян. — Я там родился.

— Вот и отлично. Вероятно, мы отправимся в Ганьсу где-то на следующей неделе, если я смогу раздобыть паспорта в одну из английских концессий на побережье.

— Капитан Лейн направляется в Ганьсу?

— Конечно. Я ожидал, что ты сам сделаешь этот вывод. Это же очевидно. Миссис Лейн получила телеграмму от начальника штаба из Гонконга: ее мужу приказано возглавить экспедицию в Ганьсу, чтобы спасти группу британских и американских миссионеров в Тэншане. Он уже на пути туда. Мне нужно срочно следовать за ним.

— Думаю, это будет очень опасно, — заметил Ян с подкупающей улыбкой. — Скорее всего, вас убьют.

— Сомневаюсь. Как мне получить разрешение на поездку в глубь страны? Военные власти запрут меня на каком-нибудь душном броненосце. До того, чтобы меня убили, дело даже не дойдет, вот в чем загвоздка. Вот если бы я выучил китайский настолько, чтобы внятно спросить дорогу, я мог бы пробираться в одиночку после того, как твои друзья с тобой покончат. Если мне удастся проскочить мимо бдительных чинуш в морских портах, я как-нибудь найду дорогу в Ганьсу и присоединюсь к Лейну.

Тебе придется придумать, как ввезти меня в страну и дать хороший старт. А дальше я сам справлюсь. Бывал я и в местах похуже Китая, и, как видишь, до сих пор жив. И бысье об заклад, китайцы в Ганьсу, да и вообще где угодно в глуши, не услышат ни слова обо всей этой революционной суматохе еще лет пять после того, как заварушка мирно уляжется. Стоит отъехать от ваших вестернизированных прибрежных городов, и вы остаетесь такими же первобытными, как древние израильтяне.

Итак, Ян, я полностью верю себя в твои руки. Доставь меня в целости и сохранности в Ганьсу, и я щедро упомяну тебя в завещании. Если я вернусь в Лос-Анджелес со своей собственной головой на плечах, я выплачу тебе наличными премию ровно вдвое больше той, что ты получил бы при обычных обстоятельствах. Так что в твоих интересах беречь меня. Согласен?

Ян чинно поклонился.

— Я согласен, мистер Сэксби, — сказал он. — Мой отец уже очень стар. Я не видел его с тех пор, как покинул Ганьсу, чтобы поступить в Христианский колледж в Кантоне.

— По рукам, Ян. Договорились. Как ты проведешь меня через линию фронта?

— Мы пройдем пешком. Думаю, вы преувеличиваете трудности, мистер Сэксби. Могли бы я узнать, зачем вам нужно перехватить капитана Лейна в Ганьсу?

— Рано или поздно тебе придется это узнать. Мне тоже. Но поскольку в моей собственной голове еще нет полной ясности, я пока не могу просветить твою.

— Может быть, это то, что вы называете погоней за призраками? — деликатно предположил Ян.

— Возможно. В каком-то смысле я даже надеюсь, что так оно и окажется. А с другой стороны, молю Бога, чтобы нет. Любопытство — единственный порок, который я до сих пор не поборол. К остальным — чревоугодию, исправлению людей и прочему — я всегда был довольно равнодушен. — Старик Сэксби вздохнул. — Хотел бы я быть кошкой или кем-то в этом роде, у кого девять жизней. Вокруг столько всего, куда стоит сунуть свой нос.

Сэксби несколько минут сидел, погруженный в раздумья, пока Ян возился с ежедневной порцией землетрясений. Вдруг он подскочил, словно ужаленный.

— И почему я не подумал об этом раньше?! — воскликнул он, хватаясь за телефон. — Такси, немедленно, — приказал он, когда на том конце сняли трубку, и продиктовал адрес. — Конечно, — повернулся он к Яну, — в своем анализе ты не нашел ничего, кроме следов кремния. Теперь мне все ясно. Убирай этот хлам как можно скорее. Я вернусь через час и завалю тебя работой до самого отъезда в Китай.

Вернувшись, Сэксби вручил Яну две картонные коробки, доверху забитые аккуратными пакетиками с красителями для пасхальных яиц. Он скупил весь ассортимент в соседней бакалейной лавке, где Лейны приобрели свои полдюжины пакетов. Продавец заверил его, что эта партия — та самая, из которой велась торговля в прошедший праздник. Ее убрали на склад до следующей пасхальной недели.

— Вот твоя работа, — объявил Сэксби. — Проанализируй всю партию. Ничего не упускай. Результаты должны быть точными до десятой доли процента.

Ян застонал, но покорно принялся за дело. Это была рутинная работа, с которой легко справился бы любой толковый старшекурсник, а Ян терпеть не мог рутину.

— Ах да, чуть не забыл самое главное, — легкомысленно добавил Сэксби. — Смешай этот синий краситель с равным количеством желтого в обычной водопроводной воде и проанализируй смесь.

Ян вздохнул и принялся расставлять приборы на лабораторном столе у западного окна.

Пока Ян вкалывал по двенадцать часов в день над бесчисленными разноцветными паке-тиками, старик Сэксби пустил в ход всю свою дипломатию, чтобы получить паспорта для себя и своего секретаря. На третий день ему это удалось. Уже через неделю они должны были отплыть в Китай. А пока, пока Ян гнул спину в лаборатории, профессор мог напоследок съездить в пустыню для прощального осмотра.

Он пригласил Изабел составить ему компанию, но та была вынуждена отказаться: Том страдал от последствий чрезмерного увлечения арбузом. Сэксби отправился один, на сей раз рано утром, с опытным водителем на небольшом грузовичке. Он выбрал это необычное и тряское транспортное средство потому, что его цельнолитые шины исключали риск проколов. Профессор хотел подъехать к самому известняковому уступу и иметь возможность быстро уехать, если возникнет необходимость.

К гряде они добрались незадолго до полудня. Над каменными плитами колыхалось море знойного воздуха, а по раскаленным поверхностям, задрав хвосты и высоко подняв головы, сновали полчища ящериц. По тому, как беззаботно они предавались своим повседневным делам, было очевидно, что никакой массивный враг в последнее время не нарушал покой их бесплодных владений. Приказав водителю ждать с грузовиком в удобном месте, старик Сэксби начал планомерное обследование всей округи.

Расщелина, по всей видимости, ничуть не изменилась с тех пор, как впервые разверзлась почти три недели назад. Сэксби подтвердил свое открытие: все частицы кварца в известняковых стенах трещины исчезли. Осматривая поверхность плит поблизости от глубоких свежих борозд, он заметил точно такие же выемки от крошечных полостей, где некогда должны были находиться силикаты.

Важнейший вопрос заключался в следующем: когда именно опустели эти гнезда? До или после того, как старатели услышали «выстрел», возвещавший о расколе известняка? И если да, то за сколько именно времени?

Хотя Сэксби доходил почти до транса, перебирая в уме возможные пути и средства, он так и не смог придумать эксперимент, позволяющий установить возраст этих отверстий. Должен же существовать какой-то простой метод, рассуждал он, чтобы с точностью до одного процента определить, как долго каменная поверхность подвергалась воздействию воздуха и солнечного света. Размышляя над этой нехитрой загадкой, он едва не испекся заживо, прежде чем неохотно уступил уступ ящерицам, которые, казалось, получали искреннее удовольствие от этого поджаривания.

Следующей его задачей было осмотреть место, где погибли ослики. Солнце и пустынный воздух уничтожили практически все следы животных. Остались лишь восемь роговых остатков от копыт. Сэксби прочесал палкой от засохшей пыли каждый фут пыли в округе, но больше ничего не нашел. От костей животных не осталось и следа. Если кости и впрямь превратились в эту пыль, то их должно было смолоть до тонкости муки.

Приученный долгими годами научной работы к точности наблюдений и хладнокровному просеиванию фактов, старик Сэксби присел в пыли, чтобы перед уходом восстановить в памяти каждую деталь рассказа старателей. Все ли пункты он проверил? Что еще, помимо костей животных, следовало ожидать на месте их гибели? Что они делали в момент смерти? И тут в

голове у Сэксби вспыхнул очевидный, но поразительный факт, значение которого ускользнуло от пронизательного ума Дэна и Джейка.

Старатели упоминали как нечто само собой разумеющееся, что их ослики были спутаны на ночь. Животные разбрелись при первом же намеке на опасность. Дэн и Джейк даже немного потеоретизировали: они заметили, что если бы бедные твари могли бежать, они бы легко спаслись. Но с увязанными передними путами, из-за чего они могли продвигаться вперед лишь на шесть дюймов за шаг, животные оказались беспомощны перед врагом.

Что же, задался вопросом Сэксби, стало с веревками, которыми были спутаны ослики? Их не было там, где им надлежало быть. Чтобы по возможности исключить гадание на кофейной гуще, Сэксби обыскал каждый ярд земли от места, где лежали копыта, до сочащегося источника на северном склоне, откуда разбрелись ослики. К концу четырехчасовых поисков он пришел к выводу, что веревки разделили участь костей — какой бы эта участь ни была.

— Это, — заметил он с улыбкой удовлетворения, — вероятно, объясняет, почему взорвался «Шеридан». И все же не стоит торопиться с выводами. Ян ничего не нашел, а я втайне надеялся, что найдет.

Затем он тщательно осмотрел место, где они с Изабел, как им показалось, видели свещающееся привидение. Он не обнаружил ничего подозрительного, кроме двух легких вмятин в щелочной пыли. Впрочем, они могли быть простыми природными случайностями или лежками кроликов. Чем бы они ни являлись, Сэксби рассудил, что они слишком сомнительны, чтобы служить уликами.

«Если бы я только мог сложить вместе те кусочки, что у меня есть, — размышлял он, — я бы, наверное, уже сейчас разгадал всю головоломку. К сожалению, я не совсем понимаю, как эти детали стыкуются между собой. На прошлой неделе я не учел пропавшие веревки, а тогда мне казалось, что я вижу вероятный путь к разгадке. Выходит, то, что я считаю известным сейчас, скорее всего, не соответствует действительности».

Шагая обратно к грузовику, он неторопливо обдумывал одно гипотетическое объяснение, которое Изабел с глубоким возмущением показала ему накануне. Один из ведущих американских психологов прислал ей экземпляр свежего номера «Еженедельного психологического бюллетеня» с пометками, где почетное место занимала его собственная ученая статья.

Название этой метафической попытки казаться научным гласило: «Коллективные галлюцинации». В ней именитый автор доказывал (или утверждал, что доказывает), будто два или более человека, находясь в одном месте в одно и то же время, могут и должны видеть одну и то же вещь, когда ее там нет. В подтверждение он приводил недавнюю историю Дэна и Джейка, а также аналогичный опыт Изабел и Тома. Доведенная до логического завершения, эта теория доказывала бы, что жизнь — это болезненная череда множественных кошмаров.

Сэксби взвесил ее и счел несостоятельной. Разумеется, хитроумный автор не знал, что галлюцинация была тройной, а не двойной; Сэксби не стал афишировать свое приключение с Изабел в пустыне. Поэтому психологу можно простить то, что он поспешил тиснуть в печать полусырую теорию.

Даже самые внимательные исследователи порой упускают из виду важную деталь при изучении совершенно новой проблемы. Подводя итоги дневной работы, Сэксби полагал, что учел все ключевые возможности. Он залез в кабину к водителю, и грузовик тронулся в обратный путь, прыгая по чахлым кактусам и дымным деревьям как раз в тот момент, когда солнце скрылось за горизонтом.

Сэксби упустил из виду самый очевидный из всех фактов в приключении старателей, в своем собственном приключении с Изабел и в гибели «Шеридана». Что еще более примечательно, учитывая ту поразительную пронизательность, которую Сэксби проявил в этом странном расследовании, — он совершенно проморгал точно такой же очевидный факт в «галлюцинации» Яна. Ведь Яну тоже предстояло подтвердить фантастические домыслы психолога.

В утро второй экспедиции Сэксби в пустыню Ян принялся за работу в семь часов и вкалывал весь день до семи вечера. Он был полон решимости закончить анализ последних пакетиков с этими раздражающими яркими красками до возвращения хозяина. Оставались только синие и желтые красители, а также ярко-зеленый, получаемый при их смешивании.

Как он и ожидал, и что было вполне естественно, при смешивании синего и желтого красителей в обычной водопроводной воде возникло несколько довольно тонких осложнений. Разумеется, специфические химические вещества, отвечающие за соответствующие цвета, вступили в реакцию, образовав новые, более сложные соединения, чем каждое из них по отдельности. Помимо воли Ян начал увлекаться своим анализом.

Стоявшая перед ним задача представляла собой классический пример чрезвычайно сложной лабораторной манипуляции. Многочисленные соединения, образующиеся при слиянии синего и желтого красителей, отличались крайней нестабильностью. Разница всего в одну десятую градуса Цельсия в температуре смеси превращала эти неустойчивые соединения в длинные ряды родственных веществ. На любом этапе этой игры изолировать какое-то одно конкретное соединение было чертовски кропотливым делом, требующим филигранного мастерства, а еще более тонкого навыка требовало удержание исходного вещества в неизменном состоянии на протяжении всего анализа, чтобы не дать ему соскользнуть в форму одного из соседних соединений.

Ян понемногу начал получать истинное удовольствие.

Наступил и прошел полдень, но Ян и не думал об обеде. В три часа чернокожая Джемайма осторожно заглянула в лабораторию, чтобы спросить, собирается ли он вообще есть. Ее лучшие кукурузные оладьи уже дважды отправлялись в помойку, но она была готова замесить свежее тесто, если мистер Ян пожелает. Ян огрызнулся на сочном китайском. Впрочем, тут же раскаявшись в своем сквернословии, он приказал покорной Джемайме приготовить к семи часам настоящий китайский ужин: суп, свинину, рыбу, рис и шесть сваренных вкрутую яиц. И вновь вернулся к охоте за неуловимым двадцатым соединением.

В четверть восьмого вечера, когда его хозяин все еще трясся по дороге домой в кузове грузовика, Ян вздохнул, вымыл руки и в последний раз окинул взглядом лабораторию перед уходом на ужин. Поймать добычу ему так и не удалось. Двадцатое из этих коварных химических веществ по-прежнему нетронутым покоилось в своем стакане.

Стол у окна представлял собой редкостный разгром. Обычно Ян, как аккуратный техник, оставлял все в идеальном порядке. Однако этим вечером, вконец измотанный двенадцатью часами непрерывной, тончайшей работы, он прервал сессию, не став убираться, и решил вернуться к уборке сразу после ужина. Грязное полотенце, которым он вытирал руки, Ян небрежно швырнул в глазурованный глиняный горшок — тот самый, который миссис Лейн использовала для заготовки яиц и на который он сам убил почти две недели в тщетных попытках обнаружить хоть какой-то химический интерес. Смертельно усталый, он по привычке запер за собой дверь лаборатории и отправился есть.

Первое блюдо, действительно превосходный суп «малатан», немного привело его в чувство. Яну тотчас захотелось более волнующих побед. Тоскливая плетеная бутылка старого топазового вина Сэксби его не привлекала. Он подумал: а не забыл ли Сэксби в спешке утреннего отъезда запереть буфет? Из чисто научного любопытства он встал из-за стола, чтобы проверить догадку.

Старик Сэксби действительно забыл. С коротким победным восклицанием Ян извлек полную, оплетенную лозой бутылку своего любимого китайского джина, попутно убрав оскорбляющий его взор виноградный сок Сэксби подальше с глаз.

Первый скромный коктейль лишь распалил аппетит Яна к жареной свинине. Второй и третий вдохновили его на великие подвиги по уничтожению жареной рыбы. К тому времени,

как он опрокинул тринадцатый, он уже хрипло требовал еще полдюжины вареных яиц. После этого мысли его окончательно затуманились, и он принялся шумно распекать взмыленную Джемайму за целые мешки риса, которые та, по ее заверениям, якобы принесла по его же заказу.

К девяти часам вечера он стал чрезвычайно серьезен. Высокое чувство долга велело ему прибраться в лаборатории до возвращения хозяина. Сэксби мог приехать в любую минуту. Прежде чем выйти из-за стола, Ян очистил еще одно яйцо, съел его, а четыре штуки засунул в карман пиджака, чтобы подкрепить силы во время работы.

После долгих и сложных экспериментов ему удалось отпереть дверь лаборатории. На этом этапе его логика стала весьма причудливой. Ему показалось, что самым важным делом при входе в лабораторию было запереть дверь изнутри. Иначе старик Сэксби мог прийти и постучать его. Не то чтобы Ян чувствовал себя виноватым или пьяным; просто интуиция подсказывала ему, что Сэксби придет к несправедливым выводам и задаст ему трепку ни за что.

Запирание двери в темноте превратилось в долгую и запутанную операцию. Яну даже в голову не пришло, что было бы гораздо проще включить свет, прежде чем нащупывать замочную скважину. Справившись наконец с замком, он стал шарить в поисках выключателя. Тот находился на стене к западу от двери. Но Ян сейчас пребывал в том возвышенном состоянии, когда, по Киплингу, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись». Он начал смачно материться на родном языке, вслепую водя руками по стене. Спустя пять минут, в течение которых он опрокидывал табуреты и крушил стеклянную посуду, которая совершенно некстати попадалась под руку, Ян перешел на ледяной английский.

— Проклятье, — пробормотал он, едва не плача, — какой толк? Всё против меня, всё это место проклято.

Он поплелся к единственному относительно светлому пятну во всей этой враждебной тьме — тускло очерченному прямоугольнику западного окна возле своего рабочего стола. Тонкий серп заходящей луны и сияние ледяных звезд отбрасывали обманчивый полусвет на загроможденный стаканами и штативами стол, отчего их едва видимые контуры казались туманно-нереальными. Ян качнулся к табурету, которого не оказалось на месте, промахнулся, задел полный стакан ярко-зеленой краски и тяжело рухнул на бок.

Хруст в кармане возвестил о трагедии. Его четыре бесценных вареных яйца были раздавлены всмятку. Для Яна в его затуманенном состоянии эта потеря приобрела масштабы вселенской несправедливости. Звезды, этот огрызок луны, темнота и предательский табурет, о который он при падении ушиб челюсть — все было против него. Обида была слишком глубока для слез. Подтянувшись к краю рабочего стола, он нащупал табурет и рухнул на него.

Чтобы утешить себя, он выудил раздавленные яйца из кармана и попытался в этом слабом свете спасти хотя бы желтки. В награду за труды он получил лишь полный рот хрустящей на зубах скорлупы вперемешку с яйцом. Капризным жестом бессилия он швырнул то, что осталось от яиц, в единственный сосуд, который огромной тенью высился в полумраке среди своих более мелких соседей — в глазурированный горшок миссис Лейн, куда три часа назад он уже бросил грязное полотенце.

Затем, сломленный и поверженный жестокой несправедливостью вселенной, он опустил тяжелую голову на руки и обрел утешение в забытии.

Лишь слабое сияние звезд утешало его, и только холодный свет чахлой луны смутно поблескивал на его глянцевых черных волосах; но спал он чутко, и ему снились мучительно яркие, ослепительные солнца, которые пульсировали зловещим зеленым светом или пагубно полыхали багрово-пурпурным, подобно живому цвету какой-то противоестественной крови.

Около половины одиннадцатого вернулся Сэксби. Джемайма не выбежала ему навстречу, чтобы громогласно объявить постыдную весть об оргии Яна. Она была умнее. Будучи по натуре

сугубо ехидной женщиной, несмотря на свои двести пятьдесят фунтов колыхающейся добродушной плоти, она оставила пустую бутылку из-под джина на самом видном месте на обеденном столе. Бутылка никак не могла ускользнуть от взгляда старого Сэксби, поскольку стояла прямо под шестидесятиваттной электрической лампочкой, горевшей в полную силу.

— Этот чертов Ян опять нарезался, — взорвался Сэксби, созерцая немое доказательство предательства. — Ну почему он не может научиться пить хорошее вино, как порядочный человек?

Решив, что распутный Ян уже лег спать, дабы протрезветь после своего безрассудства, Сэксби вознамерился сделать то же самое. С Яном можно будет разобраться и утром. Впервые в жизни Сэксби искренне мечтал добраться до постели. Полевые брожения по пустыне и тряская езда изрядно его утомили.

Спальня Сэксби находилась на втором этаже, точно над лабораторией. Выключая свет перед тем, как лечь в постель, он взглянул в открытое окно на низкие далекие холмы, за которые как раз заходили острые рога убывающей луны. Жутковатая красота ночного пейзажа на мгновение заворожила его, и он замер, пытаясь навсегда зафиксировать в сознании это ускользающее очарование.

Все его тело, а не только разум, казалось, уловило новое качество в этой внезапной странности привычного, будничного мира. Он ощутил странную близость — не с духом ночи, а с плотной массой тех огромных холмов, за которые стремительно закатывалась луна.

— Какое отвратительное ощущение, — вслух произнес он, резко отворачиваясь от окна. — Нервы, ничто иное. Мне показалось, будто земля с моей собственной могилы прощупывает мою плоть, пытаясь добраться до костей.

Ложиться спать с такой мыслью было бы достаточно, чтобы вызвать кошмар у любого человека. Старик Сэксби не стал исключением. В течение десяти лихорадочных часов он метался в муках, которые его скованная сном воля тщетно пыталась прекратить. Временами он наполовину просыпался и понимал, что видит сон, но не мог стряхнуть смертельный ступор, отравлявший его разум. Сны были странно противоестественными и вместе с тем пугающе реальными. Существовала какая-то безумная, алогичная, но неотвратимая последовательность в тех бессмысленных панорамах, что проносились перед его мысленным взором, подобно бесконечной череде грозowych туч; и каждая из них была наполнена каким-то забытым значением, которое он тщетно пытался вспомнить.

Разрозненные фрагменты были самыми невыносимыми. Какая-то маленькая, бесформенная сущность материализовалась из бесконечной пустоты, казалось, расширялась и в то же время не расширялась, пока, наконец, в каком-то ужасающем смысле, не разрешала свое собственное внутреннее противоречие, просто переставая существовать. Снова и снова этот мотив повторялся, и каждый раз, когда пустота готовилась породить его, беспомощный зритель мысленно прогонял зрелище, которого страшился, за миллион мгновений до того, как оно происходило на самом деле.

Второе повторение, уже другого рода, было почти столь же ужасным. Подобно пульсации огромного полярного сияния, медленный ритм тусклого пурпура и зелени безумно пульсировал сквозь все бесконечное пространство, накатывая и отступая с диссонирующей регулярностью. Это тоже было внутренне противоречиво; и все же оно существовало и было реальным. И на протяжении всего этого жуткого сна чей-то голос монотонно напевал:

«Это не сон; это не вещь; это то, что существовало до того, как у тебя появился разум».

Когда он наконец сбросил давивший на него кошмар, Сэксби чувствовал себя как выжатый лимон.

— Ну и ночка, — простонал он, нащупывая под подушкой часы. — Боже правый! Немудрено, что мне приснился кошмар. Так мне и надо — проваляться в постели целых десять часов.

Однако, начав одеваться, он каждой косточкой своего тела почувствовал, что болен, и что его ужасный сон был не просто результатом переутомления. Он был слишком реальным. Его должно было вызвать что-то вполне осязаемое, физическое. Внезапно он уловил слабый запах. Профессор критически принялся.

— Эта чертовка опять поставила мусорный бак прямо под моим окном! — проворчал он. — Если бы она не готовила так божественно, я бы уволил ее еще до ужина. Проклятье, придется с ней объясниться.

Он побрился и поспешил вниз, чтобы исполнить свой неприятный долг в отношении Яна и Джемаймы.

Спустившись в столовую, он смягчился — по крайней мере, в отношении Яна. Пустая бутылка из-под джина все так же вызывающе высилась в самом центре стола. Стол был, как обычно, накрыт на одного, хотя привычное время Яна давно прошло. Старик Сэксби решил, что несчастный парень взглянул на стол и поплелся обратно в постель — спать и лечить головную боль. «По крайней мере, малый честен, — подумал он, — не пытался спрятать бутылку и свалить недомогание на погоду или переутомление». Сэксби простил его и позвонил, вызывая Джемайму. Она явилась, переваливаясь с боку на бок и явно ожидая золотого венца за свое предательство с бутылкой.

— Джемайма, — без лишних предисловий рявкнул Сэксби, — я хочу, чтобы ты перестала ставить мусорный бак под моим окном. Это одна из твоих самых отвратительных привычек.

Джемайма призвала Господа в свидетели своей невиновности. Сэксби, призывая собственных богов, заявил, что унюхал грех Джемаймы собственным носом. Дискуссия переросла в конкурс: со стороны Джемаймы раздавались причитания и слезы, со стороны Сэксби — энергичные и громогласные аргументы. Наконец, поняв, что от упрямой женщины ничего не добьешься, Сэксби уступил ее просьбе пойти и посмотреть самому.

Бак стоял на своем обычном месте с северной стороны дома.

— Хм, — буркнул Сэксби, пока торжествующая Джемайма победоносно ковыляла обратно на кухню. — Значит, под моим окном сдохло что-то еще.

Он обошел дом с западной стороны, чтобы провести осмотр.

Окна лаборатории Яна располагались точно под окнами спальни Сэксби. С первого взгляда Сэксби показалось, что они открыты. Со второго он застыл как вкопанный. Утренний ветерок задувал внутрь, но рамы были опущены и заперты. Оконные стекла исчезли. Ни единого осколка не осталось в замазке, и ни один след от какого-либо инструмента на замазке или на деревянных рамах не давал намека на то, каким образом стекла были начисто вынуты из своих пазов.

— Что за чертовщина? — пробормотал он, подходя ближе, чтобы изучить оконные рамы.

В следующий миг он отшатнулся, словно подкошенный, чувствуя внезапную тошноту и слабость. Он увидел то, что еще десять часов назад было Яном. Теперь это был лишь бесформенный ком плоти, распластанный по рабочему столу и стекающий вниз по четырехногому табурету. Это походило скорее на гигантского кальмара, чем на человека.

Первой мыслью Сэксби, когда он пришел в себя, была мысль о коронере. Придется проводить следствие. Но увиденного было достаточно, чтобы понять: через полчаса после любого публичного дознания всю страну парализует ужас. Все факты вылезут наружу, а публика еще не готова воспринять их разумно. Даже сам Сэксби не понимал и половины из них. Какой прок в том, чтобы сеять в стране панику? Предупреждать людей бесполезно — у них нет средств защиты. Пока он или кто-то другой не выследит источник этого зла, заявлять о его существовании было бы чистым безумием.

Оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что Джемайма не крутится поблизости, Сэксби вернулся к окну лаборатории. Высокая изгородь из плитки, кустарники и деревья сада надежно скрывали его от любопытных глаз прохожих на улице. Он залез внутрь через окно. Для его

плана было крайне важно, чтобы Джемайма — единственный возможный свидетель — думала, будто он вообще не заходил в эту комнату.

Как он отчасти и ожидал, дверь лаборатории оказалась заперта изнутри. Отпирать ее он не стал. Бедный Ян, судя по всему, заперся из страха быть пойманным хозяином после своих вечерних возлияний. Старомодные деревянные ставни были целы. Сэксби принялся за работу. Запах тления был сильным, но терпимым.

Времени на изучение всего необъяснимого разгрома в лаборатории не было. Однако одна деталь бросалась в глаза при самом беглом осмотре. В комнате исчезли абсолютно все частицы стекла. Разноцветное месиво все еще капало с полок, где смешивались реактивы из исчезнувших бутылей, а аккуратные маленькие кучки радужных солей отмечали места бесчисленных стеклянных контейнеров, которые попросту перестали существовать. Все металлические предметы, напротив, выглядели совершенно нормально.

Подойдя к рабочему столу, Сэксби взял лабораторный журнал Яна и быстро пролистал карандашные записи предыдущего дня. Хотя многое было полусмыто ярко-зеленой краской, хлынувшей на открытую книгу и впитавшейся в пористую бумагу, когда Ян при падении опрокинул стакан, короткие заметки и длинные химические уравнения воссоздавали краткую историю девятнадцати успешных анализов. Далее следовала путаная последовательность робких догадок и брошенных попыток, связанных с тем самым двадцатым соединением, полученным при взаимодействии синего и желтого красителей.

Сэксби сунул блокнот в карман и детально осмотрел рабочий стол. По имеющимся осязаемым уликам было нетрудно восстановить последний день Яна на земле. Грязное полотенце в горшке миссис Лейн и раздавленные фрагменты четырех вареных яиц, одно из которых было наполовину съедено, говорили сами за себя. Ян вытер с рук остатки зеленой краски о полотенце, а яйца принес для позднего ужина, вернувшись пьяным. По хмельной неловкости он раздавил их, попытался съесть одно, а затем выбросил. Пятна на черной поверхности стола отмечали места, где пробирки и мензурки дезинтегрировали, как и все остальное стекло в лаборатории.

Пораженный странным фактом, что глазурированный горшок, кажется, уцелел, Сэксби протянул руку, чтобы внимательно его изучить.

В его пальцах сосуд мгновенно рассыпался в порошок. Полотенце, все еще покрытое цветными пятнами красителей, также превратилось в щепотку белой пыли, едва он попытался его поднять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.